

Министерство образования и науки РФ
ФГБОУ ВО «Нижневартовский государственный университет»

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИДЕЯМ ЭКСТРЕМИЗМА
И ТЕРРОРИЗМА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АНАЛИЗ**

Коллективная монография

Издательство
Нижневартовского
государственного
университета
2017

ББК 66.4(0),304

П 83

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет»

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ,
проект № 16-29-09503*

Рецензенты:

доктор психологических наук, профессор кафедры психологии образования
Академии психологии и педагогики Южного федерального университета
А.К. Белоусова;

кандидат философских наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
Нижевартовского экономико-правового института (филиала Тюменского
государственного университета) *В.Н. Побединский*

Авторы:

Е.В. Гуттов, канд. филос. наук, доцент (гл. 1); *А.А. Лицука*, канд. филос. наук,
доцент (гл. 1 в соавт., гл. 4 в соавт., гл. 5, сост. и ред.); *Н.Н. Самохина*, канд.
филос. наук., доцент (гл. 2); *О.А. Романко*, канд. психол. наук, доцент
(гл. 3 в соавт.); *Л.В. Коростелева*, канд. филол. наук, доцент (гл. 6);
О.Ю. Михайлова, д-р психол. наук, профессор (гл. 3 в соавт.);
С.Б. Целиковский, канд. психол. наук, доцент (гл. 4 в соавт.)

Под общей редакцией

кандидата философских наук, доцента *А.А. Лицука*

П 83 Противдействие идеям экстремизма и терроризма в сети Интернет: междисциплинарный анализ: Коллективная монография / Под общ. ред. А.А. Лицука. – Нижневартовск: Издательство Нижневарт. гос. ун-та, 2017. – 138 с.

ISBN 978-5-00047-359-7

Работа представляет собой комплексное исследование такой острой и многоаспектной проблемы, как противодействие идеологии экстремизма и терроризма в сети Интернет. Используя междисциплинарный подход, авторы рассматривают данный вопрос с позиций философско-религиозной антропологии, культурологии, психологии, лингвистики и права.

Адресуется всем интересующимся проблемой противодействия идеологии экстремизма и терроризма.

ББК 66.4(0),304

ISBN 978-5-00047-359-7

© Издательство НВГУ, 2017

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1. РЕЛИГИОЗНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭКСТРЕМИЗМА (ДЕГУМАНИЗАЦИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ).....	7
§ 1. Вместо введения: религиозная антропология как социокультурный феномен	7
§ 2. Принцип связи как основа религиозной антропологии	11
§ 3. Религиозная антропология в контексте классической и современной культуры.....	16
§ 4. Автономия воли как антропологическая оппозиция.....	24
§ 5. Религиозно-антропологические представления как фактор экстремистских интенций.	28
§ 6. Вместо заключения: методические рекомендации.	33
Глава 2. РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ИДЕЯМ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: СОЦИАЛЬНО- ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ	37
§ 1. Информационная культура личности: понятие и содержание	38
§ 2. Проблемы и перспективы информационной культуры	44
§ 3. Информационная культура как способ противодействия идеям экстремизма и терроризма в сети Интернет	47
Глава 3. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНОВ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА.....	57
§ 1. Экстремизм и терроризм как социально-психологические явления	57

§ 2. Психология экстремизма и терроризма.....	68
§ 3. Психолого-правовые аспекты противодействия экстремизму и терроризму в сети Интернет	75
Глава 4. СПЕЦИФИКА СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ДЕЯНИЕ, УМЫСЕЛ И ЦЕЛЬ (ПСИХОЛОГО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)	86
Глава 5. ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ	99
Глава 6. ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЧЕВЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ.....	119
§ 1. Речевые произведения экстремистского содержания в аспекте коммуникации	119
§ 2. Способы речевого воздействия в экстремистских речевых произведениях.....	128
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	137

ВВЕДЕНИЕ

Накопленный опыт борьбы с экстремизмом и терроризмом показывает, что в современном информационном обществе применение исключительно силовых методов противодействия создаваемым ими угрозам не может дать достаточный эффект. То глобальное значение, которое приобретают в жизни современного общества информационные технологии, определяет необходимость обратить самое пристальное внимание на информационную составляющую борьбы с экстремизмом и терроризмом, причем основной ареной такой борьбы становится глобальная мировая сеть Интернет.

Еще в 2012 г. в своем докладе первый заместитель руководителя аппарата Национального антитеррористического комитета (НАК) генерал-лейтенант Е.П. Ильин отметил, что «в современный период наибольшие угрозы распространения идеологии терроризма связаны с использованием террористическими и экстремистскими организациями сети Интернет и мобильной связи для организации скрытых каналов, и пропаганды преступной деятельности» [1, с. 8].

Можно сказать, что за прошедшие несколько лет ситуация только усугубилась. Этому послужили многие причины, в том числе обострение международной обстановки, что привело к развертыванию масштабной информационной войны против России посредством СМИ и Интернета.

Сеть Интернет сегодня представляет собой арену «борьбы за сознание», причем за сознание и судьбы молодых россиян, поскольку по статистике правоохранительных органов, основной массой завербованных в экстремистские и террористические организации являются молодые люди до 30–35 лет. Как отмечает директор Национального центра информационного противодействия терроризму и экстремизму в образовательной среде и сети Интернет С.А. Чурилов, пространство Интернета стало своеобразной школой экстремистов и террористов, идеальным инструментом преступной пропаганды, чему способствуют такие особенности Всемирной сети, как возможность предельно широкого охвата аудитории; высокая скорость и лавинообразный характер распространения информации, особенно посредством блогов и

социальных сетей; анонимность размещения материалов; возможность многократно и без каких-либо финансовых затрат создавать собственные интернет-ресурсы пропаганды; сложность обнаружения и ликвидации сетевых центров (серверы, домены, веб-сайты); использование злоумышленниками лазеек в силу несогласованности в законодательствах стран, что дает возможность регистрировать доменные имена сайта в одной стране, а размещать информацию в другой и т.д. [2, с. 19].

Наиболее опасными источниками массовой экстремистской и террористической пропаганды сегодня являются ресурсы, распространяющие идеологию запрещенной в Российской Федерации террористической организации «Исламское государство Ирака и Леванта» (ИГИЛ). В структуру этой организации входят специальные подразделения, так называемый медиаджихад, которые через отдельные сайты и социальные сети формируют имидж боевиков, ведут активную массовую и адресную пропаганду. Поэтому крайне важным направлением борьбы с таким злом, как экстремизм и терроризм, является осуществление информационного противодействия идеологии экстремизма и терроризма в сети Интернет.

Данная проблема является сложной и многоаспектной, она требует глубокого и всестороннего изучения. Предлагаемое исследование представляет собой попытку на основе междисциплинарного подхода рассмотреть проблему информационного противодействия идеологии экстремизма и терроризма в сети Интернет комплексно с позиций философии, религиозной антропологии, культурологии, психологии, лингвистики и права.

Литература

1. Ильин Е.П. Доклад первого заместителя руководителя аппарата Национального антитеррористического комитета // Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации: Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. М., 2012. Т. 1. С. 8.
2. Чурилов С.А. О проблемах противодействия терроризму (экстремизму) в сети Интернет // Ростовский научный журнал. 2016. Вып. 8. С. 19.

Глава 1

РЕЛИГИОЗНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭКСТРЕМИЗМА (ДЕГУМАНИЗАЦИЯ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ)

§ 1. Место введения: религиозная антропология как социокультурный феномен

Ключевым понятием в данном исследовании, как явствует из его заглавия, является понятие религиозной антропологии. Выработка его полноценной научной дефиниции, на первый взгляд, не представляет проблемы. Действительно, это видится простой задачей при наличии элементарной терминологической эрудиции. Результат окажется примерно таким: «Религиозная антропология – это учение о человеке в какой-либо религии». При этом легко заметить, что это не столько собственно определение, сколько простая расшифровка термина «антропология». Сходный результат даст нам и использование классического этимологического подхода. В этом случае выявляются исходные значения компонентов понятия и тем самым дается представление о его происхождении и приблизительном значении: «религиозная антропология» – термин, образованный от древнегреческих слов «ἄνθρωπος» – человек, «λόγος» – учение и латинского слова «religio» – собственно, религия¹.

Данные результаты вполне обеспечивают некое первичное, может быть, даже интуитивное понимание основного смысла религиозной антропологии. Однако входящее в состав этого понятия определение «религиозная» заведомо предполагает его существенную многозначность. Это является следствием ряда обстоятельств.

---

¹ В обыденном и в научном лексиконе русского языка нет слова, полностью передающего все аспекты понятия «религия». Впрочем, в других европейских языках это латинское слово используется также эксклюзивно и в повседневном общении, и в понятийном аппарате науки и философии.

Во-первых, в современной научно-философской мысли нет универсального и общепринятого определения религии как таковой; соответственно, и смысл «религиозного» напрямую зависит от того или иного понимания религии (справедливости ради следует признать, что и термин «антропология» употребляется или трактуется отнюдь не однозначно, но об этом речь пойдет ниже).

Во-вторых, само многообразие религиозных форм в историческом прошлом и настоящем (причем, не только в рамках условно выделяемых крупных и распространенных религий, но и внутри этих конфессиональных сообществ или традиций) отнюдь не способствует четкому выявлению сущности религиозной антропологии. Например, попытка определения религиозной антропологии как учения о человеке с точки зрения присутствия в нем божественного начала, неизбежно сталкивается с проблемой не просто противоречивости, но зачастую даже несовместимости различных вариантов представлений о взаимосвязи божественного и человеческого.

В-третьих, в исследовательских подходах к религии, к сожалению, не всегда присутствует осознание принципиальной многоуровневости религии и многообразности проявлений религиозного в индивидуальной, общественной, культурной сферах. Это чревато, как минимум, двумя последствиями: либо сущность религии сводится к одному (или нескольким) компоненту религиозно-культурного комплекса (например, к религиозному сознанию), либо не обращается должного внимания на то обстоятельство, что и в рамках одного такого компонента сложным образом взаимодействуют разные уровни проявлений религиозного.

Именно последний момент следует подчеркнуть особо, поскольку анализ этого взаимодействия принципиально важен для данного исследования. Пока же ограничимся простой иллюстрацией именно антропологического рода. Масса верующих христиан-мирян разделяет широко распространенное убеждение, что человеческая природа, в соответствии с христианским учением, образована двумя началами – в просторечии «телом» и «душой». Однако в канонической теологии, восходящей к Отцам Церкви IV–VIII вв., представлена не двоичная, а троичная модель человеческой природы – «тело», «душа» и «дух». И эта коллизия в свою очередь порождает целый ряд несовпадений некоторых

значимых религиозных представлений, бытующих в среде «простых верующих» и в среде профессиональных клириков, тем более – теологов.

Причина этого кроется не только в том, что обыденное сознание стремится к простым и отчетливым схемам действительности, не требующим сложных рационально-логических процедур (что проще запомнить: полный комплекс доказательств теоремы Пифагора и следствий из нее или присказку про «пифагоровы штаны»?). Дело еще и в том принципиально многослойном характере, который имеет религиозное сознание, функционирующее и на бессознательном уровне (безусловно, базисом для него), на уровне чувственно-эмоционального, образного мировосприятия и миропонимания и, наконец, на уровне системного вероучения и его теологической разработки. Поэтому даже наиболее значимые понятийные элементы религиозного мышления могут носить существенно разную смысловую наполненность в зависимости от субъекта и обстоятельств употребления.

Напомним также знаменитое изречение Тертуллиана² «Credo quia absurdum est» («Верую, ибо нелепо»). Оно, кроме прочего, указывает на принципиально иррациональный характер религиозного мировосприятия в целом – на уровне как индивидуума, так и сколь угодно масштабной группы. А это значит, что достичь совершенной прозрачности смыслов и значений религиозных образов, понятий и концептов, равно как и сконструировать логически непротиворечивую систему религиозного вероучения (нечто в духе кантовской «религии в пределах только разума») вряд ли удастся.

Следует также учитывать историческую эволюцию религиозного сознания, которая в пределах устойчивых религиозных традиций происходит как адаптация существующих догматических

---

² Тертуллиан, Квинт Септимий Флоренс (156/165–220/240) – видный представитель ранней латинской патристики, апологет и один из первых систематизаторов вероучения. Ряд его положений впоследствии не был адаптирован канонической теологией католицизма и православия. Но учение об иррациональном характере веры, превосходящей при этом по своему потенциалу рационально-рассудочное мышление, стало одной из наиболее значимых ее основ.

формул и канонов к изменяющимся социокультурным условиям. А это значит, что сама по себе знаково-понятийная структура сохраняется (в силу своей сакральной неприкосновенности), но наполняется все новыми значениями, смыслами, образами. Тем самым, в своем историческом развитии понятия и концепты, которыми так или иначе оперирует религиозное сознание, становятся ни чем иным, как *символами*. Причем символами такого рода, что их смысловой контент вряд ли исчерпаем.

Например, в процессе становления христианского учения о Троице для обозначения сущностного единства и различия трех лиц единого бога было использовано слово «ипостась» (греч. *hypostasis*). Его исходное значение весьма далеко от религиозной сферы: подставка для ног, используемая для удобства восседающего на троне или другом высоком сидении. Теперь же это слово не только прочно ассоциируется с христианским вероучением, но и употребляется в литературной и обыденной формах языка.

Возможен и обратный процесс: понятие-символ, наделенное существенным значением (или рядом значений) в контексте религиозного сознания и практики, может, так сказать, «обмирщаться» и утрачивать не только сакральный, но и религиозный смысл в целом. Так произошло с санскритским словом «аватара», которым в учении ряда индуистских религиозных традиций (прежде всего вишнуизма) обозначали ограниченное перевоплощение божества для исполнения какой-либо миссии в «земном мире» [4, с. 24–25]. Например, аватарами Вишну являются Кришна (персонаж эпоса Махабхарата) и Рама (персонаж эпоса Рамаяна), которые – как и некоторые другие воплощения Вишну – сами стали объектом автономных культов. А Кришна для своих последователей – даже не «просто бог», а Бхагаван – т.е. Бог Богов. Теперь же практически всем пользователям сети Интернет известно слово «аватарка», т.е. портретный или иной образ пользователя для тех, кто вступает с ним в общение. Отметим, что в русском варианте оно употребляется то ли в уменьшительной, то ли в уничижительной форме, что подчеркивает полную десакрализацию его значения.

По всем вышеперечисленным причинам представляется нецелесообразным рассматривать религиозную антропологию как социокультурный феномен, отталкиваясь от определенного религи-

озного контекста – что как будто является «естественным» ходом мысли. Именно в такой стратегии выстроено определение, предлагаемое видным отечественным религиоведом И.Н. Яблоковым: «Религиозная антропология – это представления о человеке в его отношении к богам, божеству, Богу, священному в этнических и мировых религиях; также – раздел или дисциплина богословия и религиозной философии, учение о сущности, происхождении и назначении человека, основанное на священных текстах и вероучительной традиции» [10, с. 460]. С формальной точки зрения данное определение вполне удовлетворительно (особенно в части, касающейся не религии самой по себе, а богословия и религиозной философии)³. Но в действительности представленный здесь перечень сущностей, в отношении к которым предстает человек, может быть продолжен (и, опять же, вряд ли может быть полностью исчерпан).

Что же касается антропологии в ее религиозно-философском варианте, то следует отметить, что помимо опоры на тексты и традиции она может основываться и на персональном религиозном опыте, который подчас довольно далеко отстоит от традиционных верований и учений. Например, антропологические построения таких религиозных философов современности как В.С. Соловьев или Н.А. Бердяев, безусловно, относятся к разряду «христианской философии», что и сами мыслители постоянно подчеркивали. Но однозначно вписать их идеи в конкретную конфессиональную традицию – православную, католическую, протестантскую – вряд ли возможно.

§ 2. Принцип связи как основа религиозной антропологии

Соотношение религиозной философии с традиционными верованиями и конфессиями довольно специфично: ведь философское

---

³ Существует значимый терминологический нюанс, не представленный в русскоязычном понятии «религиозная антропология». В англоязычной литературе используются два термина: 1) *religious anthropology* – примерно соответствует значению, представленному выше; 2) *anthropology of religion* – научно-философское исследование религии с точки зрения антропологии. В отечественной традиции второй термин примерно равнозначен религиоведению.

познание мира и человека своим истоком имеет фундаментальное сомнение в том, что все устроено именно так, как должно, и все это – к благу. Религия же в своем традиционном понимании исходит из примата веры, содержание которой, в конечном счете, не подвергается сомнению. В отношении к антропологической проблематике это представляется не столько противоположностью, сколько взаимодополнением. Типично философский ход мысли связан с *выделением и различением* сущностных качеств, принимаемых за основу человеческого – разум, воля, свобода, творчество, способность к преобразованию действительности и т.д. И эти качества полагаются как имманентные самому человеку или, по крайней мере, как соразмерные его бытию. Религиозно-антропологический подход, в свою очередь, предполагает не выделение, а *соединение*: сущность человека мыслится и постигается только в отношении к иной сущности, которая, как правило, превосходит в своих определениях «человеческое», «земное», «естественное». Только располагая этим отношением – точнее сказать, связью – с высшим божественным началом, человек приобретает тот или иной смысл своего существования, которое также воспринимается как проблема или миссия.

Тот факт, что связь такого рода, возможно, сугубо субъективна или даже иллюзорна, мало что меняет: в религиозном мышлении реальность объекта веры менее важна, чем само отношение к нему, которое, в свою очередь, есть и отношение к себе. Этот момент подтверждается тем, что латинское слово «religio» можно истолковать именно через принцип связи: *lige* или *liga* – суть союз, объединение, *re* – возвратное действие, восстановление [7, с. 4–5].

Но следует помнить, что религиозные представления и переживания по своей сути амбивалентны. Основоположник феноменологического направления в религиоведении Рудольф Отто (1869–1937) даже предложил отказаться от привычных для религиозной традиции понятий «святое» и «священное», поскольку они настолько «нагружены» дополнительными смыслами, что их собственное значение недостижимо. Он заменяет их искусственным термином «нуминозное» (от лат. *numen* – божество, воля богов), которое есть «совершенно Иное» по отношению ко всем данным эмпирического опыта. И как таковое (вернее, именно как иное) оно внерационально и внеморально. Человек встречается

с ним в акте персонального религиозного переживания, таинства (лат. *mysterium*). Причем это таинство двояко: оно является ужасающим (*mysterium tremendum*) и в то же время притягательным и очаровывающим (*mysterium fascinans*).

В данной концепции характерным образом подчеркивается первичность самого опыта переживаний по отношению к содержанию нуминозного: оно, безусловно, имеет значение, но именно как значимость или ценность для верующего. Р. Отто полагал, что восхождение к тайне Иного начинается с «ощущения тварности», которое несет не только самоуничужение, ощущение неподлинности, несубстанциальности собственного бытия, но и дарует ощущение смысла: я сотворен с какой-то целью. Кажется, не случайно Священные Писания дают уклончивые или достаточно странные ответы на вопрос о цели творения человека. Например, ветхозаветная версия такова: Бог сотворил человека, дабы было кому созерцать его деяния и прославлять их. Оставив в стороне многочисленные ироничные комментарии к этому моменту, признаем, что Бог в том виде, как он фигурирует в первых книгах Ветхого Завета, более близок к древней мифологической традиции семитских народов, чем к монотеистическому учению об абсолютном вседержителе, которое сформировалось в рамках иудаизма и затем получило свое развитие в христианской и исламской традициях.

Во всяком случае для нас важно то, что религиозное представление о сущности человека всегда имеет двоякий смысл: с одной стороны, наличие прямой или опосредованной связи с высшим божественным началом, с другой стороны – неполнота существования вне этой связи. Об этом отчетливо свидетельствует идея, присущая многим пророческим религиям – от зороастризма до ислама. Это идея «помрачения бытия» в результате вмешательства в осуществление божественного плана совершенного мироздания. Дуалистическое учение зороастризма признает прямую и злонамеренную порчу благого мироздания, сотворенного Ахура-Маздой, со стороны его «темного близнеца» – Ангро-Майнью. Так началась эра Смешения, в которой добро и зло, свет и тьма, жизнь и смерть переходят друг в друга. Пророчество Заратустры указывает путь к преодолению этого болезненного состояния бытия – вера, праведность и активная борьба с проявлениями зла.

Вероятно, зороастрийское учение впервые разработало такие фундаментальные религиозные идеи, как финальная битва сил света и тьмы, последующий всеобщий суд и блаженное бессмертие для праведников. Но особенно важно то, что в этом учении судьба мира оказывается в руках людей и зависит от их сознательного выбора.

Как известно, в великих монотеистических религиях, символически восходящих к библейскому патриарху Аврааму, подобная идея разрабатывается иначе, поскольку виновником «помрачения бытия» является сам человек, совершивший грехопадение и тем нарушивший связь с Богом. Смысл и суть исторического бытия человечества, соответственно, заключаются не только в восстановлении этой связи, но и в искуплении первородного греха. Что, в свою очередь, означает и обретение своей истинной природы.

Здесь открывается еще одна оппозиция, вырастающая из специфики монотеистического сознания: жесткое разделение людей на «истинно верующих», «язычников» и «безбожников». Это разделение имеет не только религиозно-этический смысл, но и существенные социально-политические и собственно антропологические аспекты. Примером первого может служить противопоставление языческого социума и христианского сообщества, которое проводит в своем трактате «О граде Божием» Августин Аврелий (354–430). Он не только считает, что гражданские добродетели и законосообразная власть не достаточны для достижения общего блага, но даже утверждает, что общество, основанное на неравенстве и насилии, не является государством, а «подобно шайке разбойников». Вместе с тем, истинно христианский идеал общества в земной жизни также неосуществим, по крайней мере, до исхода мировой истории. Земное государство может как-то приблизиться к статусу Града Божия лишь благодаря личному благочестию правителей и «пастырским наставлениям» Церкви.

Второй пример связан с эпохой Великих географических открытий, когда европейцы (в первую очередь, испанцы и португальцы) столкнулись с народами Нового Света, которые никак не вписывались в привычную для средневекового мировоззрения концепцию библейской истории. Один из мотивов этой концепции состоит в том, что все народы Земли так или иначе происходят

от племен и народов, упоминаемых в Библии (или от конкретных персонажей). В результате теологических споров V Латеранский собор Римской Католической церкви принял любопытное решение: поскольку коренное население вновь открытых земель не имело возможности «обрести евангельскую истину», то эти люди не обладают в полной мере бессмертной душой (она актуализируется только с принятием крещения). Как следствие, христианин может относиться к местным язычникам, преступая нормы христианского милосердия, не соблюдая клятвы и т.п. Очевидно, что данный теолого-антропологический концепт был призван обосновывать и оправдывать как насильственную христианизацию коренного населения, так и фактический геноцид непокорных племен.

Но надо сказать, что расширяющееся поле взаимодействия с родоплеменными сообществами Южной и Северной Америки дало мощный импульс формированию одного из важнейших концептов интеллектуальной культуры Западной Европы. Речь идет об образе «естественного человека», общаясь с которым и изучая которого можно понять и сущность «человека цивилизованного». Этот образ получил известное распространение в художественной литературе и философских трактатах эпохи Просвещения. Конечно, образ «благородного дикаря», который руководствуется в своей жизни простыми и ясными требованиями «естественного разума» и поклоняется объективным явлениям и силам природы в рамках «естественной религии», суть мистификация. Но она была необходимым шагом в процессе становления антропоцентричной культуры европейского образца.

Впрочем, связывая «естественную религию» с определенной формой рациональности, идеологи Просвещения и «отцы антропологии» отчасти были правы. А именно в том, что несмотря на странные для европейцев формы религиозных представлений и культов, они вполне эффективно служили целям упорядочивания и организации социума. Например, тотемические верования обеспечивали групповую идентификацию, а также служили инструментом избегания инцестных брачных отношений (хотя в рамках замкнутых родовых общин этого невозможно было достигнуть в полном объеме). В свое время два известных исследователя архаичных религий – З. Фрейд и Э. Дюркгейм (невзирая на

принципиально разные методологические подходы) – увидели в системах первобытного тотемизма «самообожествление рода» и символ социальной солидарности. Можно также указать на то, что социальные отношения, представленные в символике тотемизма, выступают как инструмент социальной дифференциации вопреки Ж.Ж. Руссо, исходившему из идеи равенства членов «первобытной общины».

Для нас в этом движении мысли важно то, что начиная с Ренессанса, в европейской культуре последовательно конструируется фундаментальный концепт человека как субъекта познания, действия, преобразования действительности. И религиозно-антропологические мотивы играют в нем все меньшую роль, хотя и являются «естественной почвой» в его формировании. Достаточно напомнить, что само слово «антропология» в смысле учения о человеке восходит к терминологии католической схоластики.

§ 3. Религиозная антропология в контексте классической и современной культуры

Классическая и современная культура при всем их различии (и до некоторой степени – даже противоположности) едины в своей антропоцентрической парадигме, которая опирается на мощный потенциал, заложенный в ренессансном художественно-философском гуманизме. Хотя сразу можно обозначить существенные трансформации внутри самой этой парадигмы. Классическая культура (XVII – середина XIX вв.) развивает гуманистические идеи более или менее последовательно; мы можем рассматривать само ее развитие как некий единый направленный процесс социально-исторического и культурного прогресса. Собственно, эта схема развития и была выработана в рамках европейской философской мысли от Р. Декарта до классиков немецкого идеализма (И. Кант, И.Г. Фихте, Г.В.Ф. Гегель, Ф.В.Й. Шеллинг).

Как уже отмечалось, ядром классической парадигмы является комплекс представлений о человеке как о субъекте мирового процесса. И не суть важно, какие основания и закономерности доминируют в этом процессе с точки зрения различных поколений и школ гуманистической философии: прогресс рационального познания и основанной на нем техники (Ф. Бэкон, Р. Декарт),

нравственно-социальный прогресс (Дж. Локк, И. Кант), самораскрывающаяся творческая активность универсального субъекта (И.Г. Фихте) или самодвижение мирового разума, в котором человек играет все более активную и осознанную роль (Г.В.Ф. Гегель). Суть остается той же: прогрессивные изменения во всех сферах человеческого бытия происходят на основе реализации (самораскрытия) изначально заложенного в человеческой природе потенциала. Это обуславливает если и не прогресс собственно человеческой природы, то, как минимум, постепенное высвобождение тех исходных сущностных качеств, которые ей присущи. Этим же процессом обусловлено очеловечивание мира, превращение его из грозного и непонятного стихийного хаоса в некое подобие универсальной машины, используемой человечеством в своих целях.

Еще Ф. Бэкон в своих рассуждениях о «решающем эксперименте» (*experimentum crucis*), который должен открыть человеку все тайны мироздания, утверждал, что знание, полученное в его результате, наделит человека фактически божественным всемогуществом. Характерно, что в его понимании прогресс «естественной философии» (т.е. науки) не противостоит «воле Бога», а воплощает ее истинный смысл: «...Если здраво обдумать дело, то после слова бога естественная философия есть вернейшее лекарство против суеверия и тем самым достойнейшая пища для веры. Поэтому ее справедливо считают вернейшей служанкой религии: если одна являет волю бога, то другая – его могущество» [2, с. 53]. Однако религия в существующих ее формах (для Бэкона это христианство католического и протестантского толка) сопротивляется росту науки из-за невежества одних ее представителей и страха других потерять «власть над суеверными умами» [5, с. 51–53]. Следовательно, должно быть достигнуто такое состояние и общества, и умов, при котором собственные сферы влияния религии и науки фактически не пересекались бы.

Проект такого рода, по сути, характерен для всей классической культуры и философской мысли. К тому же он вырабатывается и развивается на вполне объективной социально-исторической основе. Речь идет о процессах секуляризации сначала политической сферы общества, а затем – и собственно культурной. Например, еще в XVII–XVIII вв. в европейских университетах сохранялись

теологические факультеты или кафедры теологии; во второй же половине XIX в. в большинстве стран Западной и Северной Европы теология была выведена за пределы «классического образования». Исключением стали университеты Германской и Российской империй, вероятно потому, что эти государства по-прежнему видели свою опору в церковно-религиозных институтах и не желали расставаться с таким мощным фактором влияния, как церковная цензура. Во всяком случае, следует согласиться с теми исследователями, которые полагают, что в классическом европейском обществе религия – и в форме социального института, и в форме сознания – постепенно была вытеснена с ключевых позиций, занимаемых ею ранее в социуме, на уровень повседневно-бытового взаимодействия и субъективно переживаемых чувств и представлений.

Тем не менее, следует также признать, что «проект Бэкона» не столь уж далек от мотивов христианского мировоззрения – в том числе, и антропологического рода. Во-первых, человек также изначально облечен некоей универсальной миссией, которая трактуется как «досотворение мира» по образцам-архетипам, заложенным в него Творцом всего сущего. Таким образом, человек суть «малый творец». Во-вторых, его познавательно-творческая деятельность направляется объективной волей (в данном случае, божественной). В-третьих, продвижение по предначертанному пути должно сопровождаться самосовершенствованием человека, идеалом коего является Богочеловек. В-четвертых, ключевую роль в этих процессах должно играть личное осознание, принятие и последовательное исполнение своей миссии.

Представляется, что сущностную формулу антропоцентрического миропонимания (как в религиозной, так и в светской гуманистической версиях) наиболее отчетливо выразил один из крупнейших философов-классиков И.Г. Фихте: «В Я лежит верное ручательство, что от него будут распространяться в бесконечность порядок и гармония там, где их еще нет, что одновременно с подвигающей культурой человека будет двигаться и культура вселенной. Все, что теперь еще бесформенно и беспорядочно, разрешится через человека в прекраснейший порядок, а то, что теперь уже гармонично, будет, согласно законам, доселе еще не развитым, становиться все гармоничнее» [8, с. 437–438]. Следует

обратить внимание, что в данной формуле речь идет уже не просто о человеке как о центральном звене мирового процесса, но именно о его субъектности, имеющей универсальный характер. Фихте представил этот концепт в основной категории своей системы «Ichkeit» (в традиционном русском переводе – «Я», хотя более точно передает смысл термин «яйность»).

Отсюда можно заключить, что в «философии субъекта» Фихте завершается процесс, начатый Декартом и Кантом, – постановка внутреннего мира человека в основание и центр процессов реальности. Это означает, что классическая европейская мысль в своих основных проявлениях:

- во-первых, отталкивается от фундаментальных мотивов традиционного христианского представления о взаимоотношениях бога, человека и окружающего мира, поэтому она может быть обозначена как «гуманистическая» и «постхристианская»;

- во-вторых, не просто пронизана антропологическими идеями, а является антропологией по самой своей сути.

Этот момент замечательно подчеркнул крупнейший мыслитель XX в. Мартин Хайдеггер: «Решительное, определяющее сущность нового времени, переплетение двух процессов, а именно процесса превращения мира в образ, а человека в субъект, проливает вместе с тем свет и на основной происходящий в историческом совершении нового времени процесс, на первый взгляд кажущийся почти абсурдным и противосмысленным. А именно: чем полнее во всем своем объеме и во всех своих частях обретается мир в распоряжении человека как мир, завоеванный человеком, чем более объективным выходит на свет объект, тем более субъективным оказывается *subiectum* и тем настоятельнее поднимает он голову, с тем большей безудержностью преобразуется наблюдение мира и учение о мире в учение о человеке, в антропологию» [9, с. 150].

Опираясь на это суждение, можно провести еще одну параллель между светской (философской) и религиозной (христианской) антропологией. В рамках последней одним из основных пунктов является догмат о творении человека богом. В его канонической трактовке человек является последним и наиболее совершенным творением (в ряде теологических концепций он ставится даже выше ангелов, которые призваны ему служить

и выступают как посредники между богом и людьми⁴). Это заставляет изначально признавать высокое достоинство человека как «образа и подобия божьего».

Но здесь есть и оборотная сторона: «Поскольку человек – творение Бога, то его природа, сущность и существование, формы жизнедеятельности и сами истоки личности коренятся не в ней самой, а в Едином Начале. Поэтому человек не имеет смысла в мире иначе, чем образ и подобие Бога, т.е. христианство несет в себе потенциальную возможность “погашения” собственной ценности самого человеческого существования: снятие, изничтожение, умаление и дезинтеграцию бытия человека» [1, с. 49]. Здесь мы имеем дело все с той же амбивалентностью религиозного сознания, в рамках которого противоположные трактовки одного и того же положения заложены изначально. Их актуализация (в форме теологических концепций или идеологии религиозных общин) происходит под влиянием вполне реальных обстоятельств социально-политического, экономического, культурного порядка. Не следует забывать и о сугубо «мирских» целях и ценностях, которые стимулируют деятельность конкретных представителей религиозных сообществ и групп.

Таким образом, как в христианской религиозной антропологии, так и в антропоцентрической философии классической Европы представлен отчужденный образ человека. В первом случае он обладает собственным бытием лишь как «даром божьим», а его собственные качества представляются лишь подобием, отблеском абсолютных атрибутов божества. Во втором случае полноценное бытие принадлежит человеку только как результат раскрытия «родовой человеческой сущности», атрибутивные качества которой заранее определены философским дискурсом.

Этот внутренний парадокс постхристианского гуманизма становится одной из причин трансформации классической антропологической парадигмы в неклассическую, одной из характерных черт которой является формирование специализированной философской и научной (социально-культурной) антропологии. Вторая значимая черта – критическая позиция в отношении классического

---

⁴ Само слово «αγγελος» в переводе с греческого означает «вестник», «посланец».

гуманизма с присущими ему конструктивными (человек – созидатель) и проспективными (существование человека устремлено в будущее) мотивами.

Разочарование в классической гуманистической философии, вызванное как ее внутренними противоречиями, так и целым рядом социально-исторических факторов, в середине – второй половине XIX в. привело не только к становлению неклассической философии, но и к пробуждению новых форм религиозного сознания. Этот процесс в сфере собственно религиозной культуры характеризуется целым рядом движений, претендующих на актуальное видение проблем человека, общества, культуры и удовлетворение специфических потребностей индивида в сфере религиозного.

В этом ряду можно указать так называемый «религиозный ривайвелизм»⁵ – религиозное движение, зародившееся еще в XVIII в. в Новой Англии (ныне – территория США) как протест против превращения христианства (в данном случае – протестантизма европейского происхождения) в малозначимую для духовной жизни индивида систему официальной моральности. На этой почве возникли новые протестантские деноминации⁶ – методисты, конгрегационалисты и др. В связи с этим уже в XIX в. центр неопротестантского и постпротестантского движений переместился из Западной Европы в США. Его плодами, в частности, являются такие деноминации, как евангельские христиане различных толков, «Адвентисты седьмого дня», «Свидетели Иеговы», «Церковь Иисуса Христа последних дней»⁷ и др., получившие в XX в. широкое распространение во всем мире. Их характерной чертой является «апостолический» характер, т.е. обязанность для

---

⁵ От англ. revival – возвращение к жизни, оживление.

⁶ Деноминация – термин, принятый в религиоведении для обозначения религиозных сообществ, обладающих типичными признаками как церковных, так и сектантских организаций. С первыми их роднит, прежде всего, иерархическая структура общины, идеологически структурированное вероучение, система профессиональной подготовки священнослужителей, со вторыми – возможность проповеди для любого члена общины (принцип всесвященства), харизматический тип лидерства и др.

⁷ Распространенное неофициальное название – мормоны.

всех членов общины проповедовать и распространять учение, а также – акцентирование эсхатологических моментов христианского вероучения, подчас представленных в явно неортодоксальных формах.

Другим проявлением религиозного модернизма стало формирование синкретических учений, в которых в разных пропорциях соединялись философский мистицизм, оккультные идеи и элементы разнообразных религий (чаще всего – индо-буддистского происхождения). Примерами такого рода служат теософское учение Е.П. Блаватской, антропософия Р. Штейнера, Агни-йога Е.И. Рерих и др. К этой же категории можно отнести и религиозно-философские воззрения Л.Н. Толстого, с той оговоркой, что в его идеях отсутствовали какие-либо элементы оккультизма.

Среди модернистских религиозных движений представлены также различные течения неоиндуизма или неоведантизма⁸, в отличие от вышеуказанных синкретических течений претендовавшие не на создание «новой вселенской религии», а на восстановление древнейшей религии Вед, от которой якобы в разное время отпочковались все или почти все ныне известные религиозные учения и конфессии. В качестве примеров можно привести учения, связанные с именами Рамакришны, Вивекананды, Ауробиндо, Кришнамурти и др. Характерно, что несмотря на резкую критику в адрес европейской цивилизации и культуры, эти персонажи обрели культовый статус в Европе и США, где и поныне существуют общества их последователей. Также следует упомянуть Международное общество сознания Кришны – религиозную организацию, которую основал Бхактиведанта Свами Прабхупада⁹ в Нью-Йорке в 1966 г. (насколько известно, она на данный момент

---

⁸ Термин образован от названия одной из влиятельных школ ортодоксальной индуистской философии – веданта, сложившейся в VIII–XII вв. и фактически завершившей развитие индийской религиозной философии именно как философии.

⁹ Настоящее имя – Абхай Чаран Де (1869–1977). Интересно отметить, что будущий гуру «мирового кришнаизма» родился и вырос в Бенгалии, где большинство населения исповедует ислам, а образование получил в Шотландском церковном колледже.

является наиболее массовой и распространенной организацией неиндуистского толка за пределами Индостана).

Большую роль в распространении этих новых религиозных и квазирелигиозных течений сыграли два обстоятельства: становление системы массового образования (вызванное развитием массового машинного производства и усложнением техносистемы) и, как следствие, появление массовой литературы. В предшествующие периоды проповедники новых религиозных идей обращались к относительно малочисленной аудитории и должны были поддерживать – хотя бы внешне – определенный образ. Теперь возникла возможность донести свои идеи и оказать влияние на сознание потенциально очень широкой аудитории посредством литературы.

Отметим, что некоторые из указанных здесь течений до сих пор принято называть «эзотерическими», а на полках книжных магазинов представлена рубрика «эзотерика». Там и размещаются произведения Папюса, Блаватской, Штейнера и других авторов преимущественно оккультного направления. Однако термин «эзотерика» восходит к древнегреческому слову «ἔσωτερικός» – внутренний, закрытый для посторонних. В эпоху Античности и позже им обозначали знания или искусства, доступные только для особо посвященных лиц, а потому зачастую не излагавшиеся в письменном виде. Поэтому вряд ли данное обозначение подходит к авторам и идеям, которые растиражированы в огромном количестве и совершенно доступны.

В этом отношении присутствует некая ирония истории. Дело в том, что слово «эзотерический» впервые встречается в сатирическом произведении Лукиана Самосатского «Продажа жизней с аукциона» (166 г. н.э.), где высмеиваются последователи и плагиаторы великих философов. А главное произведение Блаватской называется «Тайная доктрина», но при этом регулярно выставляется на продажу.

Однако принципиально важен тот факт, что становление и распространение различных форм «нового религиозного сознания» или религиозного модернизма самым тесным образом связано с формированием массового общества и массовой культуры. Последняя, как мы знаем, немыслима без системы массовой информации и массовой коммуникации.

§ 4. Автономия воли как антропологическая оппозиция

Еще одним следствием разочарования в классической гуманистической парадигме и средством ее, так сказать, коррекции стал существенный интерес к истокам и основаниям светской культуры, лежащим в религиозной культуре предшествующих периодов. Начиная со второй половины XIX в. мы фиксируем не просто формирование отраслей современного религиоведения (социология религии, археология религии, психология религии, феноменология религии), но и «реабилитацию» множества идей и проблем, которые ранее рассматривались как «суеверия», «предрассудки» или «схоластическая казуистика».

Одной из таких проблем (точнее, проблемных тем) является вопрос об автономии индивидуальной воли в рамках монотеистического миропонимания. Данная проблема послужила предметом теологической полемики видных представителей христианской мысли в начале V в. Это были упоминавшийся ранее Августин Аврелий и Пелагий (ок. 360 – после 431¹⁰).

Пелагий проповедовал учение о изначально благой природе человека, восстановить которую он способен актом свободного выбора. Таким образом, первородный грех не тяготеет над всем потомством Адама и Евы, а является лишь «дурным примером». Каждый человек волен как впасть в грех, так и отказаться от него; ни бог, ни церковь, ни государство не в состоянии реально воздействовать на внутренний морально-духовный выбор индивида. Как следствие: к людям, совершающим несущественные нарушения законов морального, религиозного или даже правового рода, следует относиться снисходительно. Задача «добротного пастыря» (будь то священник или представитель власти) – создавать условия, благоприятствующие безгрешной жизни, к чему изначально предрасположена человеческая природа. К тому же человек,

---

¹⁰ Действительные обстоятельства и год смерти Пелагия неизвестны (в источниках указываются 418, 423 гг.), но в документах Эфесского Вселенского собора 431 г. он фигурирует как живой «ересиарх». Также неизвестно место его рождения: указываются Британия, Шотландия, Бретань. Во всяком случае, Пелагий был кельтского происхождения и носил клановое имя Морган. Оригинальные произведения Пелагия не сохранились.

который лишь внешне следует предписанным правилам и законам, так же достоин спасения (главной цели жизни христианина), как и сознательный праведник.

Августин в полемике с Пелагием отстаивал радикально противоположную позицию, которую можно свести к трем пунктам:

– первородный грех ослабляет и извращает человеческую природу настолько, что божественное благое начало в ней затухает, как и воля к благу;

– земная жизнь и посмертное воздаяние для каждого человека заранее предопределены абсолютной волей бога; сам человек как-либо изменить этот «приговор» собственными силами не может;

– спасение отдельного человека и всего человечества определяется божественной благодатью, соответственно, путь к спасению лежит только в обретении абсолютно искренней и всепоглощающей веры в бога (лат. *solo fide*).

Результаты этой полемики таковы: учение Пелагия вызвало серьезные противоречия в церковной среде, его несколько раз осуждали и оправдывали, пока в 418 г. не признали еретическим, а Эфесский собор подтвердил это решение [3, с. 364–367]. Тем не менее, идеи пелагианства в той или иной форме снова начинали играть заметную роль в разные периоды исторического развития христианства. Многие видные деятели предреформационной и реформационной мысли XIV–XVII вв., утверждавшие тезис о возможности для человека *заслужить* спасение души без посредничества церкви¹¹, опираясь на личные усилия, законопослушную и праведную жизнь, некоторым образом возрождали идеи пелагиан.

С другой стороны, церковь как часть социальной и культурной системы общества нуждается в хотя бы относительно стабильных и взаимовыгодных отношениях с государством. Кроме того, реальный контроль за повседневной жизнью и моральным обликом массы мирян фактически невозможен. Отсюда – характерная

---

¹¹ Посредничество церкви как необходимое условие личного спасения – один из специфических догматов Римской Католической церкви. Одним из последствий его принятия в свое время стала печально известная торговля индульгенциями.

«политика попустительства» по отношению к несущественным прегрешениям, которые люди совершают постоянно (ведь даже Августин утверждал, что если жить точно по предписаниям Священного Писания и церковного вероучения, то жизнь станет невозможной).

В свою очередь, учение Августина о предопределении и благодати также не получило признания в церковной догматике Запада и Востока, хотя и не было признано еретическим¹². Дело в том, что это учение потенциально может привести к ряду радикальных выводов. Они представлены В.С. Соловьевым, который написал статьи о Пелагии и Августине для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона:

– возможен волюнтаризм в понимании сущности бога, т.е. представление, что бог творит что-либо чисто произвольно; тем самым исчезает объективная основа для различения добра и зла;

– понимание предопределения как неограниченного ведет к так называемому квиетизму – позиции, согласно которой бог действует в человеке и через человека без всякого его личного нравственного участия или стремления;

– предопределение к добру и спасению логически предполагает предопределение ко злу и гибели (сам же Августин утверждал, что зло не имеет своего собственного субстанциального начала и есть лишь «недостаток или затмение добра»).

Хотя часть теологических воззрений Августина не была адаптирована католической церковью, его идеи получили признание в ранней схоластике, где вплоть до XIII в. доминировало августинианство. Видными представителями августиновской традиции также были У. Оккам и М. Лютер. Среди антропологических воззрений августинианцев особо выделяется представление о чисто идеальном характере истинной человеческой природы. Например, авторитетный теолог XI в. Ансельм Кентерберийский утверждал, что бессмертная душа лишь обитает в плотском теле и использует его как свое орудие. При этом цели и устремления души относятся к идеальному, потустороннему миру. Таким образом, человек как целокупность духовно-душевно-телесного

---

¹² Вероятно, по этой причине Августин в Восточной (Православной) церкви признан блаженным, а не святым, как в католицизме.

начал суть фикция, и индивид не может добиться спасения своими силами (поскольку влияние «падшей природы» толкает его в сторону греха и порока).

Для нас важно не столько то, что позиции Пелагия и Августина так или иначе воспроизводились в религиозной культуре Средневековья и Нового времени, но прежде всего то, что эти позиции естественным образом вытекают из монотеистического миропонимания, для которого вопрос о сущности и пределах свободы воли (и как следствие – социально-нравственной автономии индивида) является настоящим камнем преткновения. Для сравнения: в политеистических или дуалистических системах этот вопрос решается относительно просто: человек сам выбирает, к какой стороне примкнуть в противостоянии добра и зла, олицетворяемых соответствующими мифо-теистическими образами.

Вообще же, с некоторыми оговорками эти две позиции можно вывести за рамки теологического и религиозного дискурса в целом. Они могут служить «маркерами», обозначающими способы и механизмы взаимодействия социума (представленного как социетальная система) и индивидов, взаимодействующих в его рамках. «Пелагианская» модель предполагает:

- относительно либеральную социально-нормативную систему, в которой человеку не только дозволено все, что не запрещено законом (например, супружеская измена рассматривается лишь как моральный проступок, но не наказуема в правовом смысле);

- «викторианский тип» моральной регуляции, в котором (даже при наличии большого числа жестких моральных ограничений и прескрипций) главное – не быть действительно моральной личностью, а не афишировать отклонений от норм и правил;

- снижение жесткости административных и уголовных наказаний за преступления, не влекущие тяжелых социальных последствий;

- расширение границ «нормального» в сфере сексуальной жизни и культуры (например, легализация порнографии и гомосексуализма).

В свою очередь, «августинианская» модель предполагает действие жесткой системы контроля, репрессивного механизма в отношении даже относительно безобидных девиаций (например,

в области манер поведения и внешнего вида), требование постоянной готовности гражданина «служить общему благу» и даже жертвенного самоотречения¹³, регламентация частной и сексуальной жизни и т.п.

Именно в таком качестве – бинарной идеологической схемы, направляющей воспроизводство и трансформации (волнового типа) социальной системы, – эти модели представлены в романе-антиутопии известного британского писателя Энтони Берджесса (1917–1993) «Вожделеющее семя» (The Wanting Seed, 1962).

Также можно отметить, что крупные религиозные сообщества, являющиеся традиционными в странах, где они действуют – вне зависимости от особенностей вероучения – в современности придерживаются «пелагианской» модели взаимоотношений клириков и мирян. Причины этого указывались выше.

§ 5. Религиозно-антропологические представления как фактор экстремистских интенций

При рассмотрении этого вопроса неизбежно возникает соблазн выявить и перечислить те религиозные конфессии и течения, которые в наибольшей степени являются «экстремистски опасными». Однако здравый смысл и исторический опыт подсказывают, что составление такого рода «черного списка» также бессмысленно, как, например, выявление народов и этнических групп, наиболее склонных к воровству. Понятно, что те и другие «дурные наклонности» проявляются лишь при определенных условиях в определенное время и среди определенных групп населения – если вообще не в индивидуальном порядке.

Представляется, что не та или иная конфессионально оформленная модель религиозного сознания сама по себе является источником экстремизма, в том числе – и в явной политической форме. Предрасположенность к экстремистским проявлениям складывается на фоне множества факторов, большинство

---

¹³ Характерная черта советской системы патриотического (точнее, военно-патриотического) воспитания, в которой явно прослеживается влияние культа подвижничества и мученичества, развитого в «историческом» христианстве.

из которых представлены вне сферы «религиозного» как такового. А из латентной в активную фазу эта предрасположенность переходит благодаря определенным «спусковым механизмам», срабатывающим на индивидуальном, групповом или массовом уровне. При этом следует помнить об одной из существенных социологических закономерностей: чем стабильнее ситуация в обществе в целом (т.е. на всех уровнях организации и функционирования социальной системы), тем более частный характер носят различного рода социальные девиации – как одобряемого, так и порицаемого типа. В противоположном случае девиантные проявления становятся не только все более масштабными, но и приобретают отчетливую тенденцию к росту деструктивной активности.

С другой стороны, согласно одной из влиятельных позиций в современном понимании религии, выраженной видным американским философом и педагогом Дж. Дьюи (1859–1952), любой религии присуще постоянное стремление к тому, чтобы навязать всеобщую ценность какого-либо идеала *любой ценой*. Довольно очевидно, что это «интенциональное» определение религии семантически близко к принятому ныне понятию экстремизма:

– экстремизм в качестве идеологии понимается как приверженность к крайним взглядам, мерам и способам действия, пропаганда таких взглядов, оправдание различных форм насилия и призывы к осуществлению соответствующих действий (С.И. Фридинский);

– экстремизм в качестве формы действия предполагает требование абсолютной веры в истинность и высшее достоинство целей этого действия, а также в наибольшую эффективность применяемых средств (М. Леруа).

Понятно, что каким бы духовно возвышенным и благородным ни был религиозный идеал (например, построение или восстановление совершенного мира), его смысл обращается в прямо противоположный в случае использования таких средств его реализации, как принуждение, угроза, насилие, массовые репрессии и т.п. Причем в соответствии со спецификой религиозного сознания, эти *экстремистские* по своей сути средства могут быть направлены вовне данного религиозного сообщества и на него самого – какую-либо его часть (еретики, диссиденты, грешники,

вероотступники и т.п.) либо на любого члена сообщества¹⁴. Не следует забывать, что экстремистская практика в религиозном контексте может быть направлена и на самого себя (т.е. субъект и объект деятельности совпадают).

Кроме того, экстремистские (в данном случае, более точным определением будет «изуверские») формы проявления религиозности вполне могут процветать и в религиях, которые традиционно принято считать «пацифистскими». К таковым, например, относится индуизм, для всех течений которого характерно признание принципа «ахимса» – воздержание от причинения вреда живому.

Тем не менее, именно на почве индуизма выросло одно из самых одиозных религиозных сообществ, известное как «туги» или «тхаги»¹⁵. Это были приверженцы культа Кали, богини смерти и разрушения [5, с. 615; 6, с. 206–210], в XII–XIX вв. активно действовавшие на территории Бенгалии (ныне территория Индии и Бангладеш). Они совершали ритуальные убийства в целях достижения определенного статуса для своей последующей реинкарнации. Имущество жертв присваивалось членами группы. По данным английского историка У. Рубинштейна, только за последние 100 лет своей деятельности, туги уничтожили около 1 миллиона человек! В 1832–1850 гг. британские колониальные власти уничтожили все более или менее крупные банды, применяя, в том числе, массовые казни (хотя вообще репрессивная политика в отношении местных религиозных традиций и сообществ была нетипична). Особенностью «ритуальной практики» тугов было то, что для них не имело значения, к какой религиозной группе или традиции принадлежит жертва, даже если она относится к «своим». Напротив, убийство такого же туга рассматривалось как существенное повышение кармического статуса.

---

¹⁴ Достаточно вспомнить массовую «охоту на ведьм», охватившую католическую и протестантскую Европу в XVI–XVII вв., когда объектом подозрения в связи с дьяволом мог оказаться любой человек независимо от социального или религиозного статуса.

¹⁵ Англ. «thug» – головорез, душитель, от хинди «thag» – вор, разбойник.

Напрашивается вопрос: что было основным стимулом для экстремистской (в данном случае даже террористической) деятельности тугов – материальный интерес, получивший со временем ритуально-религиозное облачение¹⁶, или факторы собственно религиозного рода? Но на него столь же трудно ответить однозначно, как и в отношении хорошо известных в наше время массовых религиозно-экстремистских организаций.

Приведенный пример показывает, что даже те формы религиозных верований и традиций, которые призывают своих приверженцев к соблюдению принципов ненасилия и мирного существования, отнюдь не застрахованы от экстремистских проявлений. Поэтому можно утверждать, что фактически все особенности религиозно-антропологических представлений, описанные и проанализированные выше, могут служить источником экстремизма – как в его специфических религиозных проявлениях, так и в политических.

Подытожим эти особенности.

1. Религиозно-антропологическое сознание представляет человека не как некую самость, а лишь в связи с высшими божественными сущностями и силами, которые собственно обеспечивают человеку существование в его наиболее значимых проявлениях. Перефразируя Ф. Ницше, человеческое – не слишком-то человеческое.

2. Смысл и основная цель (цели) человеческого существования лежат вне обычного – земного, повседневного, привычного – круга бытия, относясь к миру потустороннему. Продвижение (способом, предписываемым данным религиозным учением) к достижению этих целей обеспечивает восстановление «истинной сущности» человека (вариант западных религий спасения) или восхождение к некой новой сущности (вариант восточных религий просветления). Если не обеспечивает, то, по крайней мере, способствует.

---

¹⁶ Авторы, наряду с большинством исследователей, склоняются к первой версии. Особенно с учетом того, что помимо «идейных» тугов в том же регионе действовали «пиндари» – обычные грабители и убийцы, прикрывавшиеся их зловещим имиджем.

3. Амбивалентный характер религиозного сознания, проявляющийся на всех его уровнях – от бессознательного чувства «нуминозного» до рационализированных теологических построений, позволяет интерпретировать практически любой образ, представление, идею, концепцию в широком спектре интерпретативных значений, включая радикально противоположные¹⁷.

4. Отчужденный характер религиозного образа человека вкупе с амбивалентностью знаково-смысловой сферы религиозного сознания порождают бинарную модель восприятия, понимания и оценивания окружающей реальности по принципу: верующий – неверующий, правоверный – неправоверный, праведный – грешный, искренне верующий – лицемер, преданный сторонник веры – вероотступник и т.п. При этом антропологический статус индивида или группы, представляющих первую позицию, заведомо выше, чем у представителей второй.

Подмена понятия «человек» как в смысле родового существа, так и в смысле индивидуальной личности некими отчужденными от его реальности образами, символами, знаками и называется здесь «дегуманизация».

Однако следует еще раз подчеркнуть, что «экстремистская интенциональность», потенциально стимулируемая этими факторами, актуализируется только в определенных исторических, социально-политических и культурных обстоятельствах.

К таковым обстоятельствам с наибольшей очевидностью относятся:

- Ситуация социокультурной аномии, т.е. масштабной трансформации системы норм и ценностей на фоне соответствующих трансформаций социальной системы в целом. Как правило, наиболее плодородной почвой для роста религиозно-экстремистских тенденций является ситуация системного кризиса или распада ранее стабильной социальной системы, вызванная внешними и/или внутренними факторами.

---

¹⁷ Например, положение о «слабости человеческой плоти» в рамках пелагианской модели антропо-дискурса является основанием для либерального отношения к индивиду, а в августинианской модели – причиной для отказа ему в посмертном блаженстве.

Пример: формирование и рост влияния радикально-исламистских (джихадистских) организаций в странах Ближнего Востока в результате военной интервенции США в Ирак и событий «Арабской весны» 2011 г.

- Ощущение постоянной социальной фрустрации и депривации, типичное для «обычного человека» в социально-политической системе относительно стабильного и благополучного типа (страны Запада и, отчасти, Россия). Причинами этих навязчивых состояний – особенно присущих молодому поколению – являются специфические условия жесткой конкуренции за «место под солнцем», навязываемые обществом и СМИ стереотипы «успешности» и статусности, ощущение невозможности добиться этих целей нормальным путем за короткое время и т.п.

Пример: рост экстремистских настроений среди молодежи «развитых стран» и, в частности, неожиданный для ведущих политиков и идеологов всплеск происламских настроений в странах традиционно христианского вероисповедания. В России этот же процесс осложняется частичным сохранением этнорелигиозного сепаратизма 1990-х гг. Эти причины существенно повышают степень успешности вербовки новых членов и сочувствующих для действующих экстремистских организаций и группировок.

§ 6. Вместо заключения: методические рекомендации

К не столь очевидным факторам, «запускающим» экстремистскую интенцию религиозного сознания, прежде всего относится порожденная процессом глобализации универсальная система массовой информации и коммуникации. Помимо ее фактической неподконтрольности (в планетарных масштабах) существенную роль здесь играют факторы анонимности и мобильности, присущие, в первую очередь сети Интернет. Речь идет не просто о том, что Интернет может использоваться и активно используется экстремистами в своих целях. Иллюзия анонимности и, как следствие, безнаказанности, часто присущая обычному пользователю сети, способствует бездумному и безответственному, некритичному восприятию информации, скачиваемой или выкладываемой в сети. К слову: по утверждению нескольких сотрудников различных правоохранительных органов, отслеживающих и пресекающих

распространение подобной информации, наиболее частое «оправдание» в ответ на обвинение в распространении экстремистских материалов таково: «Я не знал, что там такое, просто скачал случайный видео- (аудио, текстовой и т.д.) файл». Блажен, кто верует!

Кроме того, возможность коммуникации «в режиме реального времени» между самыми отдаленными регионами мира способна углублять чувство социальной фрустрации и, как следствие, личностной неполноценности при сопоставлении типа «как живут они, и как живем мы» (в случае, когда общение происходит между жителем нищего центральноафриканского государства и гражданином процветающей Швейцарии этот результат вполне предсказуем). Как уже говорилось, именно эти личностные переживания могут служить пресловутым «спусковым механизмом».

В заключение несколько максимально простых рекомендаций для того, чтобы избежать описанных выше последствий:

1. Учитывая, что Интернет (в частности, его русскоязычная версия) предлагает пользователям огромное множество сайтов, посвященных религиозной и околорелигиозной тематике, желательно помнить:

– эти сетевые ресурсы так или иначе связаны с определенной религиозной группой (кроме, разумеется, научно-академических и учебных порталов); необходимо установить название (самоназвание) этой группы, что может дать некоторое понимание возможной направленности материалов, размещаемых здесь; по этой причине часто используются уклончивые определения: «верующие мусульмане» или даже просто «мусульмане», «активные христиане», «поборники истинно русской (славянской) веры» и т.п. В отличие от возможных представителей религиозного экстремизма, адаптированные обществом и легитимные религиозные организации и общины не только не скрывают свои названия и направленность, но и делают акцент на них;

– если принадлежность сайта (странички, материалов из сети), которыми вы хотите воспользоваться, заявлена прямо или установлена вами, имеет смысл проверить их содержание по следующим интернет-адресам: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/docs/2007/11/d11927/> (Список организаций, признанных российскими судами экстремистскими);

<http://minjust.ru/ru/extremist-materials> (Федеральный список экстремистских материалов Министерства Юстиции РФ);

– наличие в тексте (видео- или аудиозаписи) призывов к исправлению человеческой природы, к искоренению носителей грехов и пороков, к восстановлению религиозных (теократических) форм государственности может быть признаком экстремистского содержания данного текста (при условии его современности и направленности на актуальную аудиторию);

– в рамках религиозной полемики и критики теологических оппонентов или инаковерующих экстремистская интенция чаще всего проявляется в том, что авторы избегают именовать их людьми; вместо этого используются соответствующие слова-маркеры, подчеркивающие неполноценный статус тех, к кому они прилагаются.

Примеры, взятые из текста, распространяемого запрещенной в РФ организацией «Исламское Государство»¹⁸:

– «кафиры» (букв. «неверующие») – все лица немусульманского вероисповедания; в ранней исламской традиции термин применялся только к атеистам, политеистам и зороастрийцам; аналог термина на турецком языке – «гяур». Как правило, используется в уничижительном значении;

– «рафидиты» (букв. «отошедшие») – пренебрежительный термин, применяемый мусульманами-суннитами по отношению к мусульманам-шиитам; впрочем, некоторые шиитские течения адаптировали его как самоопределение;

– «муртады» (букв. «вероотступники») – мусульмане, отказавшиеся от исповедания ислама; впрочем, в исходном тексте он используется для обозначения всех мусульман, не разделяющих идеологию джихадизма;

– «мушрики» – язычники-политеисты («Те, кто приписывает Творцу сотоварищей») или, по контексту, христиане помимо Бога-Отца почитающие Иисуса, Богородицу, святых, мучеников и т.д.;

– «мунафики» (букв. «лицемеры») – мусульмане, демонстрирующие лишь внешнюю приверженность исламу и живущие

---

¹⁸ Источник входит в материалы следствия СО ОФСБ г. Лангепаса и подвергался лингвистической экспертизе. До вынесения постановления соответствующего суда название источника и его автор не разглашаются.

светской жизнью; особенно часто употребляется исламскими радикалами по поводу мусульман, живущих в немусульманских странах;

– «тагуты» – правители-тираны (в Коране и Сунне); фактически применяется к лидерам мусульманских стран, придерживающихся светского типа властно-политической системы и отрицающих фундаменталистскую теократию.

Себя и своих сторонников автор текста просто и искренне называет «мусульмане» или «братья».

Заметим, что и в позитивном, и в негативном вариантах номинации фактор дегуманизации прослеживается достаточно четко: человеческое и персональное подменяется религиозным.

Литература

1. Аринин Е.И., Тюрин Ю.Я. Религиозная антропология: В 2 ч. Владимир, 2005. Ч. 1.
2. Бэкон Ф. Новый Органон // Бэкон Ф. Соч.: В 2 т. М., 1978. Т. 2.
3. Гарнак А. История догматов // Раннее христианство: В 2 т. М., 2001. Т. 2.
4. Гринцер П.А. Аватара // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. М., 1997. Т. 1.
5. Гринцер П.А. Кали // Мифы народов мира. Энциклопедия: В 2 т. М., 1997. Т. 1.
6. Кали или Калика // Энциклопедия тантры / Сост. В. Нугатов. М., 1997.
7. Пивоваров Д.В. Дух, душа и смысл жизни человека. Екатеринбург, 1992.
8. Фихте И.Г. О достоинстве человека // Фихте И.Г. Соч.: В 2 т. СПб., 1993. Т. 1.
9. Хайдеггер М. Время картины мира // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. М., 1993.
10. Яблоков И.Н. Религиоведение. М., 1998.

Глава 2

РОЛЬ ИНФОРМАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ИДЕЯМ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Информационный сектор культуры имеет серьезное влияние на целостную инновационную культуру, что в последующем вызывает ряд важнейших перемен в формировании мировоззрения современного человека. Учитывая наличие большого количества публикаций в виде статей и книг, которые посвящены аспектам информатизации и процессам становления информационной культуры, вопросы, связанные с причинами возникновения изменений в культуре, ее основных движущих материй и траектории движения, остаются малоизученными и спорными.

Вышеописанные данные являются причиной возникновения ряда важных проблем в информационной культуре, которая является неотъемлемой частью инновационной культуры. Эти проблемы набирают глобальные обороты и мешают важнейшим разработкам стратегических этапов реагирования на малейшие изменения.

Основной целью современного общества, в том числе и политики государства, является формирование информационной культуры отдельной личности. В концепции общества информационной направленности акцент делается на доступность информации абсолютно для каждого человека, что возможно реализовать с помощью внедрения современных разработок в сфере информационных и коммуникационных технологий.

Следует отметить, что большое количество поступающей информации, высокая скорость ее транспортировки не всегда обеспечивают понимание и осведомленность ее потребителя. На пути получения и трансформации информации стоит, как правило, недостаточное информационное развитие личности, которое проявляется в отсутствии способностей найти необходимые данные, произвести отбор и анализ полученных сведений.

Понимая всю сложность данного вопроса, была выведена и реализована концепция общества знаний, которая в качестве стратегического ресурса предлагает знания как результат переработки и восприятия поступившей информации. Согласно этой концепции общества высокий показатель информационной культуры является неоспоримым условием успешного развития цивилизации и повышения профессионализма отдельных личностей.

§ 1. Информационная культура личности: понятие и содержание

Человечество в процессе эволюции и развития цивилизации на протяжении всех исторических эпох вынуждено было адаптироваться к сложным природным явлениям, а потом и к искусственно созданным условиям пребывания. Путь к развитию информационного общества в системе человеческой цивилизации – объективный и весьма сложный процесс, который является основополагающим для формирования и роста мирового пространства экономических отношений, а также находится в тесной взаимосвязи с работой мирового торгового рынка, информационного сектора, ниши знаний, процессов капиталовложения и труда.

Информационное общество на современном этапе развития не может самостоятельно существовать без различных электронных ресурсов. Это позволяет вывести основные характеристики информационной культуры в виде свободного доступа к источникам информации, ее открытости для членов сообщества, возможности участия в процессах формирования данных, достаточного уровня либеральности, мышления эклектического типа, постоянного введения инноваций, а также в виде увеличения роста и значимости информационной культуры благодаря техническим нововведениям.

Среда определенных данных совместно с социальным и природным аспектом позволяет вывести новый класс параметров для адекватного существования человека, что делает возможным актуализировать тему информационной среды в сторону осмысления важности и собственно адаптации человечества к современным условиям, в который решающее значение имеют именно информационные ресурсы. Для развития социума и отдельно каждой

личности, в процессе которого важнейшее значение отдается уровню интеллекта и качеству знаний, благодаря стадиям формирования информационной среды создаются максимально удобные и прогрессирующие возможности.

Отличительно новой ступенью в формировании материальных и духовных ценностей является именно качественный состав современной культуры с вовлечением в ее основные процессы развития электронных и технологических наработок. Значительное развитие кибернетики и появление электронных инноваций позволяют культуре занимать новые цивилизационные уровни. Культура информационных данных является результатом творческих начинаний человека, она способна отразить информационно-правовое сознание человека и уровень практических навыков. Этап становления культуры информационного сектора можно наглядно представить в виде процесса получения и переработки данных из сферы информатики, информационных проектов и новшеств в их использовании, получения навыков работы с новыми образцами и формами, а также их последующего применения в повседневной жизни.

С практической стороны интерес, направленный на понимание информационной культуры, способствует существенному росту и развитию представлений с научной точки зрения, непосредственные явления информационной культуры становятся многогранными, многомерными, приобретают множество значений. В противоположность этому многие разработчики теории, которые являются представителями смешанных и, нередко, отдаленных от данной сферы профессий, пытаются преобразить понятие информационной культуры согласно видениям своей специфики и науки, что впоследствии становится источником ложной информации и искажающим фактором в понимании самого феномена культуры информационного сектора.

Изучая термин «информационная культура», необходимо упомянуть такие понятия, как информационная этика и эстетика, безопасность компьютерных технологий и информационных систем, имеющие благотворное влияние при борьбе с терроризмом в сети Интернет. Формирование культуры относительно личности есть социальное проявление определенного этапа развития общества. Непосредственной частью культуры информационного сектора

обязательно является грамотность и понимание истоков возникновения отдельных процессов и отношений, ориентированная информационная сфера в виде цели, интересов, ценностей и т.д.

Следует отметить, что особое внимание должно уделяться процессам поиска и использования новейших технологических разработок, которые подразумевают работу с экономической частью и отражают ее функциональность в виде стоимостных показателей. Такие параметры экономической сферы позволяют установить важность применения компьютерной техники. Именно поэтому знание и применение информационных технологий является крайне важным аспектом и условием развития всецелой информационной культуры. Их использование должно быть ориентировано на соответствующие требования данного процесса и специфику соответствующей дисциплины.

Таким образом, информационная культура является широким и всеобъемлющим понятием. Ее можно рассматривать в рамках обязательного компонента современной жизни и в качестве части культуры отдельно взятой личности или социума. Современная жизнь человека целиком и полностью зависит от технологического прогресса и уровня его развития, что в значительной мере поворачивает сознание и видоизменяет принципы жизни. Человек уже не может представить свою жизнь без технических устройств, средств связи и удобного транспорта. Поэтому информация все больше и больше становится неотъемлемой социальной, нравственной и экономической ценностью, умения работать с ней определяют уровень развития отдельной личности и общества в целом. Современная культура является и новым источником проблем в сфере урбанизации жилых зон, транспорта, активности людей, взаимоотношений народов, систем нравственности и воспитания.

Отличительной чертой культуры информационного общества является ее превосходство в распространении данных по сравнению с ее материализацией и повышением технологического процесса. Слияние научной деятельности с электроникой, а также их «плодотворный союз» в появлении новых технологий позволяют обрести информационной культуре новый поворот, особенно когда вопрос стоит о динамичном функционировании мирового рынка.

На данном этапе возникает острая необходимость во взаимном влиянии, содружестве и даже в конкуренции отдельных культур. Волна информационных технологий влияет на материальные и духовные ценности, охватывая новые пространства и категории человеческого бытия.

Культура информационного сектора является уникальным и неповторимым историческим этапом, который оказывает влияние на общие культурные ценности страны, ее материально-техническую базу и духовную основу. Благодаря информационному сектору культура пополняется новыми составляющими, все больше адаптируется к творческим изысканиям и поддается коррекции в большей степени материальными аспектами.

Интернет – это вездесущая сеть, которая проникает во все аспекты жизнедеятельности человека, содержит важную информацию, становится неотъемлемой частью современного общества. Концепция современного социального развития подразумевает регулярное обновление технических данных и устройств.

Информационная культура имеет решающее влияние на пространственные параметры культуры, увеличивая в объемах знания и их дифференциацию, а также существенно расширяя кругозор предметно-вещественного мира и его инструментальные методы.

Культура информационных ресурсов в первую очередь привлекает человека высоким уровнем совершенства, удобством и потрясающей динамикой. Наука на современном этапе становится больше практической, а не теоретической, она призвана служить информационной культуре. Однако в приоритете остается духовное творчество с применением технологического аспекта.

Изменениям подлежит и духовный мир человека, что характеризуется стремлением к новым технологическим изысканиям и открытиям. Будущее принадлежит именно информационной культуре, которая на сегодняшний день способна раскрыть много тайн и неразгаданных вещей. Культура информационного направления подразумевает понятие, которое возникло в результате длительной эволюции. Пройдя долгие и сложные технологические этапы, она сохранила гуманность и диалогичность.

Ценности общечеловеческого и духовного направления являются основным мерилom современной культуры. При этом

информационный ее тип построен исключительно на ценностях духовного типа, а именно совести. Поэтому воспитание ответственности гражданского образца, гуманности и аспектов совести является основополагающим течением современной культуры информационного типа.

За пределами социального воздействия самостоятельно личность не способна развиваться. Процессы адаптации и социализации должны происходить и происходят в пространстве, наполненном информацией, поэтому информационная среда и пространство социально-культурного профиля играют существенную роль в развитии личности.

Культура личности в информационной направленности – это различные информационные взгляды, систематизированные знания и умения, которые в полноценной мере обеспечивают узконаправленную деятельность по оптимальному пути для удовлетворения самых жестких информационных требований при использовании стандартных решений и современных информационных технологий. Помимо этого она является неотъемлемой частью успешной профессиональной деятельности и непрофессиональных начинаний, а также обеспечивает социальную защиту отдельной личности и целых социальных слоев в информационном обществе.

Культура информационных технологий является эффективным средством социальной защищенности, которая способствует самостоятельному поиску и накоплению знаний, является действенным рычагом регулирования поведения личности и средством защиты от неконтролируемых и необдуманных поступков, так как принципиально важные и действительно серьезные решения принимаются после глубокого анализа поступившей информации. Это позволяет решать важнейшие поставленные задачи в экономических, социальных и технологических сферах деятельности человека.

Понятие «информационная культура» согласно ориентированному шаблону отображает исторически сложившийся человеческий опыт и навыки в сфере наработки, хранения и распространения информационных ресурсов, которые могут быть переданы любым социальным объектом и являются важным компонентом построения знаний о действительных объектах.

Культура информационного профиля является незаменимой и важной частью общей культуры личности, которая имеет характерные черты в виде владения и использования отдельным человеком систем поиска, анализа, использования и хранения данных, имеющихся у человечества в данную историческую эпоху.

Как правило, такая культура является источником высокого уровня развития и выгодного соотношения знаний, умений и личностных характеристик отдельного человека, что крайне необходимо для адекватного и эффективного информационного поведения в каком-либо жизненном аспекте в процессе освоения общественных навыков. Требования личностного освоения информационных ресурсов в современном обществе предусматривают:

- теорию, которая относится к принципам существования, содержания, особенностей и законов работы в обществе со всевозможными уровнями обогащения информацией;
- сформированные информационные взгляды, которые позволяют самостоятельно планировать стратегический подход в различной информационной деятельности;
- информационное направление этики в социальных компьютерных системах, нравственные начала информационного общения;
- информационную грамотность, которая содержит способность определять и формулировать потребности и запросы, быстро осуществлять самостоятельный поиск любой необходимой информации, применяя электронные поисковые системы, знания современных технологий и способности использовать их в повседневной и профессиональной деятельности, оперировать современными формами представления, хранения, анализа и передачи информационных ресурсов.

Основным интеллектуальным компонентом культуры информационного направления является информационное мировоззрение. Как правило, оно рассматривается как систематизированные взгляды на информационный мир и свое положение в нем, а также включает определенный перечень понятий, познавательных принципов и аспектов деятельности, которые ярко выражаются в ценностях личности и ее образе жизни.

Из вышесказанного следует сделать вывод, что информационная культура является важной и неотъемлемой частью общей культуры, тесно связана с социальным происхождением и содержанием человека, а также является результатом его творческих задатков. Основные положения информационной культуры опираются на способности человека создавать, воспринимать и распространять информацию.

Информационная культура личности воспринимается в качестве инструмента, который позволяет освоиться и адаптироваться к факторам окружающей среды, а также в качестве компонента гармонии внутреннего мира человека в процессе получения новых социальных данных.

§ 2. Проблемы и перспективы информационной культуры

Формирование единого пространства информационных данных способствует появлению противоречий общественного мнения и поднимает вопрос формирования культуры виртуального образца на более высокий уровень, что может стать самостоятельной социальной теорией, которая в определенной степени будет отражать процессы обучения и обеспечения жизни человека, сохранения целостности семьи, традиций и идеалов, социальных институтов и, независимо от расовой, религиозной и языковой принадлежности основных свобод, их защиту от существующих факторов риска и опасности.

Формирование информационного сообщества во всем мире и рождение глобальной сети данных нацеливает каждого человека на подготовку, которая в дальнейшем позволит оперативно воспринимать и перерабатывать большие потоки информации.

Этап становления личности, которая имеет определенный опыт в сфере информационной культуры, крайне востребован для поддержания должного образа духовного состояния непосредственно личности и общества в целом.

Некоторые исследователи под понятием «информационная культура» имеют в виду узкое и специфическое значение в виде умений пользоваться электронными ресурсами, поисковыми системами и компьютерами в целом.

Все вышеуказанные навыки являются обязательными и важными для работы специалиста, который изъявляет желание быть грамотным и осведомленным. Однако это только основа информационной культуры, которая включает знание понятий и умения работы с информационными ресурсами, с различными средствами доступа к информации, навыки ее обработки, хранения и распространения.

Процессы информатизации привели к таким проблемам, как информационный вызов, угрожающие факторы, риски и опасность, войны информационного типа, преступления кибернаправления, прессинг посредством информации и информационная перегрузка. Рассмотрим наиболее значимые и важные из них.

Решение проблем в сфере информационной безопасности подразумевает то, что информация является универсальным инструментом человеческого прогресса, глобальным и одновременно крайне недостающим источником развития современного общества, одной из самых важных личностных и государственных ценностей.

Структуру информационной безопасности принято разделять на такие разделы, как информационный вызов, информационные угрозы, информационный риск, информационная безопасность.

Информационный вызов – преднамеренное действие со стороны источника информации, которое носит социальный характер и действует на объект с целью его дестабилизации и деформации открытого и закрытого типа.

Информационная угроза – опасность реального или мнимого образца, которая связана с информационным влиянием на социальный объект с целью видоизменения его требований, увлечений и ориентации согласно намерениям субъекта информации.

Информационный риск – пограничное состояние между угрозой и осуществимым действием.

Информационная опасность – воздействие на человека, социальную группу и/или государство в реальном времени с определенными политическими и социальными целями, которые в первую очередь направлены на нарушение ориентации и деформацию положительного развития определенной системы социума [1].

На современном этапе особое значение имеют информационные войны, целью поражения которых является личностное

и общественное сознание. В качестве основного метода воздействия используется массовое поражение сознания. При этом воздействие осуществляется с использованием информационного шума или информационного вакуума. Информационная война насчитывает множество средств, среди которых должное место занимают средства массовой информации. При этом движущим элементом является нарушение ориентации личности или социальной группы с предоставлением и распространением информации, которая освещается в выгодном виде.

Анализ сведений о функционировании информационной культуры позволяет должным образом оценить подготовку в сфере информационного развития молодежи. Следует также отметить, что молодежь на современном этапе социализируется и развивается в информационном мире, который создается по типу виртуального образца с помощью разнообразных средств массовой информации, иногда имеющих негативный характер влияния.

Основным недостатком культуры информационного направления молодежи является неспособность и неумение грамотно проводить анализ и блокировать ложную информацию, критически относиться к мнениям других людей, что представляется в различных средствах массовой информации, в том числе и сети Интернет.

Информационная культура как основной современный феномен характеризуется глобализацией и предлагает каждой личности войти в информационное пространство и общество существенных знаний, которые способны покрыть все потребности социума и конкретной отдельной личности.

Таким образом, информационная и коммуникационная культура является составляющей общей культуры человечества, сбалансированным сочетанием информационных и коммуникационных направлений, обширной системой знаний и навыков, которые обуславливают творческое развитие и реализацию по оптимально удовлетворительному пути индивидуальных потребностей, задающие диалоговое воздействие с окружающим миром и развивающие целостное понятие личности.

§ 3. Информационная культура как способ противодействия идеям экстремизма и терроризма в сети Интернет

С вхождением мирового сообщества в информационную эпоху средства массовой коммуникации стали восприниматься в качестве четвертой власти по причине их огромного влияния на общественное сознание.

Если вначале печатные издания, как правило, демонстрировали лишь некий событийный ряд, выполняя в определенном роде просвещенческую миссию, то по мере становления капиталистических отношений, в целях борьбы с конкурентами за потенциального потребителя они способны нередко выдавать заведомо искаженную информацию, суть которой состоит в выборочном подходе к освещаемым событиям.

Необходимо отметить, что средства массовой информации как порождение научно-технического прогресса и атрибут массовой культуры часто не только информируют, а уже целенаправленно и планомерно формируют мировоззрение и потребности социума. Особо отличается в этом отношении всевозможная реклама, яркая характеристика которой была дана еще в середине прошлого века.

«Мир рекламы и публичной информации существует для того, чтобы убеждать нас в мнимых благодеяниях тех, кто владеет средствами производства и средствами массовой пропаганды. Практикуемый ими способ разрешения всех конфликтов – создавать у людей «благоприятные» представления о вещах. Производство приобретает все более общественный характер, тогда как сбыт характеризуется анархичностью, присущей более ранней стадии экономического развития. Вот почему нас приходится убеждать в том, чтобы мы потребляли как можно больше разнообразных товаров, не потому, что мы нуждаемся в них..., а потому, что их нам необходимо сбыть» [6].

В настоящее время кроме благ, которые принесло развитие информационного общества, мы начали сталкиваться и с агрессивностью окружающего нас информационного пространства. Все большую роль сегодня играет информированность, а информация становится все более специфической, трудной для понимания, ее количественные и качественные критерии изменяются

достаточно быстро. Любой объект, явление или событие необходимо изучать более тщательно, чем когда-либо в прошлом, затрачивая все больше времени на процессы взаимодействия с информацией.

Сеть Интернет в нашей стране становится мощным средством преступной деятельности. Эта тенденция в полной мере коснулась экстремизма и терроризма. Использование телекоммуникационных сетей предоставляет преступникам ряд преимуществ, к числу которых относятся:

1. простой доступ к информационным ресурсам независимо от географического местонахождения преступников и их жертв;
2. практически полное отсутствие ограничений потенциальной аудитории адресатов информации, что позволяет с высокой скоростью передавать большие информационные массивы;
3. передача информации по таким каналам связи контролируется правоохранительными органами со значительными трудностями, в частности, в силу крайне низкой персонификации электронно-цифровых следов.

Экстремисты и террористы используют сеть Интернет в своей организационной деятельности. Это позволяет им более безопасно общаться и передавать данные. Возможна ситуация, когда преступники почти не обладают реальной информацией о соучастниках своей группы или сообщества, что объясняется конспиративными целями [7, с. 143].

Интернет позволяет преступным формированиям легко и масштабно вербовать новых членов или собирать денежные пожертвования от лиц, им симпатизирующих. В последнее время к экстремистским объединениям стали чаще присоединяться образованные молодые специалисты, имеющие незаурядные знания в области компьютерной техники и сетевых технологий.

Во многом это объясняется тем, что неудовлетворенные какими-то жизненными ситуациями молодые люди желают вступить в кажущиеся им сильными экстремистские или террористические объединения, чтобы применить в них свои знания и способности. За счет этого в значительной мере совершенствуются способы и приемы преступной деятельности, что ставит ее на более высокий уровень.

Экстремисты и террористы широко используют Интернет как поле влияния на людей всех стран, оказывают прямое воздействие на человека путем вовлечения его в экстремистскую деятельность. Самой главной и острой проблемой является беспрепятственная возможность размещения различных фото- и видеоматериалов своей деятельности на всеобщее обозрение.

Наиболее активно данная проблема прослеживается в настоящее время в связи с мировой борьбой с организацией «Исламское государство Ирака и Леванта», сторонники которой различными способами, чаще всего через Интернет, привлекают на свою сторону единомышленников. Они высылают человеку видеоматериалы своей деятельности, как правило, содержащие искаженные данные, в которые человека заставляют поверить. В результате такого воздействия лица присоединяются к экстремистской деятельности.

Специфика Интернета заключается в том, что большую часть ежедневной аудитории онлайн-ресурсов составляют лица моложе 30 лет, а аудитория социальных сетей – это преимущественно подростки и молодые люди от 14 до 20 лет, т.е. учащиеся школ и вузов. Молодежь привлекают анонимность и масштабность сети Интернет, которая на сегодняшний день является эффективным инструментом пропаганды террористической и экстремистской деятельности, и преступникам легче оказать влияние на такой контингент [4].

Идеологи террористических и экстремистских группировок используют все возможности социальных сетей: тематические страницы в социальных сетях и форумах; личные страницы пользователей социальных сетей; размещение видео-, аудио- и других учебных материалов; комментирование. Инструментами воздействия являются манипуляторные технологии: формирование идеологии «свой–чужой», превосходства одной национальности над другой, стереотипизация образа «врага», публикация непроверенной информации, намеренное искажение фактов, создание своего «языка общения», апелляция к авторитетам, наглядная агитация.

Таким образом, в последнее время руководителями структурных подразделений, деятельность которых направлена на борьбу с экстремизмом, ведется жесткое отслеживание террористических

побуждений в сети Интернет, так как данная проблема широко активизировалась именно там. С помощью Интернета экстремисты получают финансовую помощь, обсуждают планы своих действий и вербуют контингент. В связи с этим предлагается более жестко отслеживать информацию подобного содержания и пресекать ее распространение различными способами.

На сегодняшний день каждый имеет прямой доступ к посещению различных ресурсов Интернета, которые, как правило, не проверяются на наличие информации экстремистского и террористического содержания, поэтому существует прямая угроза, что человек может попасть под влияние такой деятельности.

В свою очередь члены экстремистских групп активно используют технический прогресс, каждый раз применяя все новые технологии для размещения своей информации на различных сайтах, обходя отслеживающие технологии правоохранительных органов. Создаются террористические организации, в основу построения которых заложен принцип сетевой структуры, что в свою очередь обуславливает увеличение их потенциала в современных информационно-коммуникативных условиях, при этом правоохранительным органам все сложнее отследить подобные побуждения и пресечь их.

С учетом современных цивилизационных и мировоззренческих установок интерес к проблемам и перспективам информационного общества неуклонно возрастает. Отметим, что уровень информационного общества в значительной степени определяется качеством и количеством накопленной информации, а также оптимизацией условий, удовлетворяющих информационные потребности на основе формирования и использования того или иного информационного ресурса.

Уровень информационной культуры личности, являющийся основополагающим показателем современного общества, представляет собой элемент общей человеческой культуры. На сегодняшний день существует довольно много определений термина «информационная культура», однако не выработано единого концепта.

С одной стороны, информационную культуру личности рассматривают в виде способа человеческой жизнедеятельности в информационном обществе, как одну из составляющих процесса

формирования человеческой культуры. С другой стороны, информационная культура личности понимается как совокупность умений, знаний и навыков, связанных с поиском, отбором и анализом информации, т.е. как совокупность компонентов, составляющих информационную деятельность, направленную на удовлетворение различных информационных потребностей.

В широком смысле информационную культуру можно определить как совокупность таких принципов и механизмов, которыми обеспечивается взаимодействие различных национальных и этнических культур, их соединение в общий мировой опыт человечества. В узком смысле под информационной культурой понимаются оптимальные способы обработки информации и ее последующего представления потребителям для решения необходимых теоретических и практических задач; механизмы, связанные с совершенствованием технических сред производства, хранения и передачи информации; развитие системы обучения, подготовки человека к эффективному использованию информационных средств и информации [4].

В настоящее время формируется новая информационная культура, являющаяся элементом общей человеческой культуры и значимым фактором развития каждого человека. С учетом изложенного представляется необходимым сформулировать понятие информационной культуры личности, представляющей собой одну из составляющих общей человеческой культуры, совокупности информационного мировоззрения, а также системы знаний и умений, которыми обеспечивается целенаправленная самостоятельная деятельность, связанная с оптимальным удовлетворением индивидуальных информационных потребностей с использованием традиционных и современных информационных технологий.

Тенденции развития информационного общества предполагают: приоритетную роль информации по сравнению с другими ресурсами; изменение характера производства, трансформацию потребностей и системы ценностей; особое внимание уделяется хранению, обработке и использованию знаний с помощью новейших технологий; получение и компетентное использование всех видов и форм информации, являющиеся в информационном обществе определяющим фактором успешного саморазвития;

информационные технологии приобретают глобальный характер, формируется информационное единство на принципе его доступности.

Необходимо отметить и ряд проблем, возникающих в информационном обществе: принципиальная неопределенность сущности информации; проблемы, связанные с отбором качественной и достоверной информации; проблема адаптации к информационной среде, а также проблемы в сфере личной и национальной безопасности (главным образом, это касается информационных угроз в области терроризма и экстремизма).

Под информационным противодействием идеям терроризма и экстремизма подразумевается система правовых, организационных, информационно-пропагандистских и других мер, обращенных на предупреждение и блокирование отрицательного информационно-психологического влияния террористических организаций на человека и общество, а также борьбу с информационно-коммуникационными технологиями, используемыми в деструктивной деятельности указанных организаций и лиц, в них состоящих.

Определяя Интернет как идеальную среду для деятельности террористов, Г. Вейман выделяет следующие особенности глобальной сети: свобода доступа, отсутствие или несущественность регулирования, цензуры и прочих форм государственного контроля; огромная аудитория; анонимность связи; молниеносное распространение информации; невысокая цена создания сайта и сервиса присутствия в сети; мультимедийная среда, разрешающая комбинировать текст, графику, аудио и видео, вероятность загружать фильмы, песни, книги, постеры и т.д.; вероятность охватить также аудиторию традиционных СМИ, которые все чаще применяют Интернет как источник сообщений [2].

Главным принципом информационного противодействия терроризму и экстремизму считается системность исполняемых мер, что предполагает формирование единой стратегии, в которой нужно установить субъекты, принципы, методы и средства этой деятельности. Все перечисленные составляющие должны найти отражение в соответствующих документах стратегического планирования Российской Федерации и международных актах [8, с. 92].

При этом необходимо отметить, что одна из существенных задач противодействия деятельности экстремистских и террористических организаций в открытом сетевом телекоммуникационном пространстве предполагает создание таких условий, при которых пользователями в ходе информационного процесса и поиска необходимых данных и материалов как можно чаще будет встречаться достоверная тематическая информация, формирующая отрицательное отношение к идеям, пропагандирующим терроризм и экстремизм. В связи этим существенное значение могут иметь активная гражданская позиция пользователей, а также конструктивная нетерпимость и настороженное отношение к идеям и различным проявлениям экстремистского характера. Здоровыми общественными силами должно быть продемонстрировано превосходство, доказывающее их преобладание как в реальном, так и в виртуальном пространстве. Действие данных сил должно быть направлено на информационное подавление ресурсов, осуществляющих пропаганду террористической и экстремистской идеологии.

Информационная культура личности во многом остается показателем профессиональной культуры, под которой подразумевается «информационная грамотность». Необходимо отметить, что несмотря на значительное сходство этих понятий, концепция информационной культуры личности значительно шире: она включает такой компонент, как информационное мировоззрение, которое предполагает обязательную мотивацию человека на специальную информационную подготовку, что во многом определяет пути противодействия идеям экстремизма и терроризма в сети Интернет.

Решение проблем информационного общества заключается в следующих аспектах: поддержка научных исследований и разработок в сфере информационно-коммуникационных технологий, а также их своевременное внедрение и обеспечение доступности информации для каждого человека; обеспечение информационной безопасности личности и создание эффективной системы обеспечения ее прав (защита личных данных, запрет на распространение незаконной информации, авторское право и т.д.); обучение умению получать, обрабатывать, хранить и эффективно использовать информацию как в количественном, так и в качественном

отношении; детальное изучение информационной культуры (сетевой принцип, виртуальный характер, изменение значения и роли личности), поскольку она определяет социокультурную жизнь человека и его материальное бытие. «Личность в информационном обществе, прежде всего, конструируется информационной средой, посредством ее включения в процесс оперирования предметами, смыслами и знаками, значение которых закреплено в окружающем социокультурном пространстве» [3].

Одним из основных направлений выступает информационное противодействие идеям экстремизма и терроризма, под которым подразумевается система информационно-пропагандистских, правовых, организационных и других мер, обращенных на предупреждение и блокирование отрицательного информационно-психологического влияния террористических организаций на общество или личность, а также употребление информационно-коммуникационных технологий в деструктивной деятельности данных компаний и их участников.

Главным принципом информационного противодействия идеям экстремизма и терроризма в сети Интернет является системность исполняемых мер, что предполагает формирование единой стратегии, в которой нужно определить субъекты, принципы, методы и средства этой деятельности, права, обязанности и ответственность пользователей сети Интернет, а также предусмотреть согласованность действий в международном формате.

Проблема противодействия идеям экстремизма и терроризма связана с информационной культурой личности. Комплексный подход к исследованию проблем информационной культуры личности позволит решить ряд проблем, связанных с распространением идей экстремизма и терроризма, что скажется на безопасности общества и улучшении качества жизни в целом.

Следует отметить, что информационная культура в условиях глобализации представляет собой социокультурный инновационный процесс, который имеет в качестве своей основы и средства реализации информационно-коммуникативные инновации и в ходе своего становления трансформирует общественно-культурную среду. Она как культурный процесс очень противоречива: с одной стороны, информационная культура позитивна, потому что сближает людей, государства, народы, открывает им

новые возможности инновационного развития, интеллектуализирует их жизни и мысли. В другом случае она негативна, потому что приводит к универсализации таких явлений, как техногенный катастрофизм, национализм, экстремизм, и других проблем современного общества.

Процесс культурной глобализации еще не закончен, и он открывает перед человечеством перспективы утверждения инновационной цивилизации с соответствующей информационной культурой личности и общества в целом.

Процесс формирования информационной культуры как важной составляющей инновационной культуры человека и современного общества с опорой на гуманистическое воспитание и современное инновационное медиапространство является залогом устойчивого развития общества в условиях глобальных изменений. Именно информационная культура и система информационного образования раскрывают резервы современного человека и его творческий потенциал для освоения и внедрения в реальное бытие новейших информационно-коммуникационных технологий без нанесения вреда социальной среде, которая отвечает новым императивам эпохи.

Литература

1. Андреев Э. М., Миронов А. В. Социальные проблемы интеллектуальной уязвимости и информационной безопасности // Социально-гуманитарные знания. 2000. № 4. С. 169–180.
2. Вейман Г. Как современные террористы используют Интернет. Специальный доклад. URL: <http://silovik.net/showthread.php?t=7897> (дата обращения: 25.03.2014).
3. Гутова С.Г., Самохина Н.Н. Формирование коллективной личности в информационном обществе как элемент социокультурной динамики // Современные исследования социальных проблем. 2016. № 2–1 (26). С. 234–249.
4. Кравец В.А., Кухаренко В.Н. Вопросы формирования информационной культуры // Теория и практика общественно-научной информатики. 1999. № 2. С. 5–29.
5. Лашин Р.Л., Чурилов С.А. Противодействие экстремизму и терроризму в сети Интернет и образовательной среде. Обзор // НЦПТИ. 2015. Вып. № 7. С. 34–39.
6. Общество потребления: его мифы и структура. URL:

<http://consumption-ru.livejournal.com/30533.html> (дата обращения: 07.02.2015).

7. Поляков В.В. Профилактика экстремизма и терроризма, осуществляемого с помощью сети Интернет // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 3. С. 142–144.

8. Сундиев И.Ю., Смирнов А.А. Информационное противодействие терроризму в сети Интернет // Вестник Национального антитеррористического комитета. 2015. № 1 (12).

Глава 3

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНОВ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА

§ 1. Экстремизм и терроризм как социально-психологические явления

Проблема экстремизма и связанная с ней проблема терроризма относятся к числу острейших, актуальнейших проблем начала XXI столетия. Феноменология этих явлений сложна и многообразна, как и их детерминация. Этим обусловлена необходимость междисциплинарного подхода к их изучению и выработке мер противодействия. Реализуемая в этой области политика должна опираться на глубокое осмысление феноменов экстремизма и терроризма в философском и социологическом плане, четкие юридические дефиниции, отслеживание связи с социально-экономическими и политическими событиями и процессами. Но не менее важным аспектом изучения этих феноменов является психологический, точнее социально-психологический, поскольку экстремизм и терроризм – это, прежде всего, формы социального поведения конкретных субъектов или групп субъектов.

Тем не менее, как указывают Н.В. Муращенкова и В.В. Гриценко, «...на сегодняшний день тема экстремизма еще не получила системного теоретического социально-психологического истолкования» [18, с. 338]. Вместе с тем, только системный, научный подход к этой проблематике способен дать универсальные ключи к ее пониманию и выработке эффективных мер профилактики и противодействия.

Научный подход к исследованию экстремизма и терроризма как социально-психологических феноменов предполагает отделение конкретных проявлений от глубинных причин, от источников, далеко не всегда лежащих на поверхности. Если мы не умеем или не желаем выявлять коренные причины этих тяжелых социальных болезней, долговременные факторы, которые воздействуют на общество как систему, то будем заниматься симптоматическим лечением, которое лишь загоняет болезнь внутрь, усугубляя ее дальнейшие проявления.

Такое сложное социальное явление, как экстремизм, не могло возникнуть внезапно, не имея существенной исторической основы. Истоки экстремизма коренятся в весьма далеком историческом прошлом. Появление экстремизма как социального явления многие исследователи связывают с первыми процессами расслоения общества, а формы экстремизма соотносят с формами такого расслоения – социальной, экономической, политической, национальной, культурной, религиозной и т.п. Как пишет О.Н. Писаренко, «принято считать, что экстремизм получает особое развитие именно в периоды активных процессов социального расслоения» [21, с. 213]. Это не значит, что в странах, характеризующихся относительным социальным и экономическим балансом, нет экстремистских проявлений, однако они менее выражены и более редки. В целом не вызывает сомнений, что именно конкретная социально-политическая и экономическая обстановка в обществе и государстве может выступать питательной средой для формирования и распространения экстремистских настроений, взглядов, установок, повышения вероятности экстремистских и террористических акций.

Однако кроме общих внешних факторов социальной среды рассматриваемые социально-психологические феномены экстремизма и терроризма необходимо обусловлены и причинами иного порядка. Эти причины могут быть объединены в следующие типы:

- микросоциальные, связанные с социальными параметрами ближайшего окружения – микросоциума, конкретной субкультурой и т.п.;

- групповые – социально-психологические особенности отдельных групп, выделенных по демографическим, профессиональным, социально-экономическим, этническим, религиозным и подобным признакам;

- индивидуальные, связанные с психологическими особенностями конкретного социального индивида, а также с его индивидуальным жизненным опытом.

Р.И. Зинурова, А.Р. Тузиков [11, с. 219] обращают внимание на связь семантического поля экстремизма с терминами «радикализм» и «нетерпимость». Однако они полагают, что радикальность действий, даже самых решительных и далеко идущих по

своим преобразовательным последствиям, все же оставляет их «внутрисистемными», тогда как экстремистские действия уже «внесистемны».

С.Б. Целиковский, рассматривая взаимосвязь понятий «радикализм», «экстремизм», «терроризм», делает вывод, что они «находятся друг с другом в соотношении “род – вид – подвид”». Экстремизм выступает как крайнее проявление радикализма, а терроризм – как предельный экстремизм» [29, с. 124].

Д.В. Ольшанский пишет, что «...понятие “экстремизм” (от лат. *extremis* – крайний) означает приверженность в политике и идеологии крайним взглядам и действиям. Психологически это продолжение и дальнейшее развитие радикализма» [19, с. 225]. И далее: «Психологически терроризм – естественное продолжение радикализма, экстремизма и фанатизма» [19, с. 257].

В.В. Федорышин подчеркивает, что «...терроризм связан не с отдельными актами насилия, а с целенаправленным созданием системы насаждения страха и ужаса у общества в целом или его части. Подкреплена данная система политической идеологией, оправдана при помощи моральных, а лучше сказать – демагогических интенций и вызывает интерес благодаря невероятному миссионерскому ореолу, которым либо они сами себя окружают, либо это делают СМИ». И далее: «В основе терроризма выделяется рациональный и иррациональный аспекты. Рациональный аспект отражает попытку достижения цели, пусть даже средствами, выходящими за рамки общепринятых этических норм. Иррациональный аспект заключается в том, что протест против системы сопровождается ее демонизацией, рассмотрением ее как порождения онтологического зла. В результате столкновения бездушной системы с личностью происходит спонтанный протест субъективного начала в человеке против социальной реальности, он выражается в теракте» [27, с. 115–116].

Т.Б. Мамытов делает попытку вывести характерные свойства субъектов экстремизма и терроризма, как правило, из группового характера соответствующей деятельности. Он пишет: «Экстремист и террорист всегда противостоит не отдельному человеку, а группе, организации, в том числе и такой мощной, как государство. Для противодействия сложно организованной групповой деятельности людей необходима и достаточно четко организованная

террористическая деятельность. Поэтому современный экстремизм и терроризм, так или иначе, имеет групповой характер, и в подготовку и осуществление террористического акта вовлечено, как минимум, несколько человек. По соображениям конспирации совершенно необязательно, чтобы на всех стадиях преступления они действовали группой. Но с точки зрения психологии присутствие стоящей за террористом группы – конкретной организации или социальной общности, если и не реальное, то хотя бы виртуальное, – является обязательным» [15, с. 273].

И далее: «Групповой характер деятельности предъявляет к ее участникам определенные требования. Как правило, они носят вполне формализованный, зафиксированный в каких-либо документах характер. Значимым, а иногда и ведущим мотивом террористической деятельности являются не столько агрессивные побуждения, сколько психологическая зависимость от группы и особенно от ее лидера» [15, с. 273].

Действительно, характерной личностной особенностью террористов является раздробленная социально-психологическая идентичность, проявляющаяся в чувстве одиночества и аффилиации. Сильная психологическая зависимость от группы в сочетании с неполной личностной идентичностью придает влиянию группового мнения особую силу, делая его мощным механизмом духовной и ценностной стереотипизации. Группа идеализируется, ее оценки, мнения, представления начинают господствовать, становясь для личности нормой.

Принадлежность к такой референтной группе, активное участие в ее «героических» делах повышают самооценку личности, снижают тревожность, формируют смысл жизни. Психологическая зависимость индивида от группы еще сильнее, если его преступная активность побуждается игровыми мотивами, склонностью к участию в эмоционально насыщенных ситуациях высокого риска, если в них он живет наиболее полной жизнью.

Накопленный группой разрушительный потенциал периодически находит выход в террористических актах, которые необходимы ей для оправдания своего существования, снижения внутренней напряженности и поддержания психологической сплоченности.

Угроза существованию террористической группы, как и любого другого преступного формирования, со стороны государства вполне реальна, но группа считает вынужденными и вполне оправданными именно свои действия, а контртеррористическую деятельность спецслужб – проявлением изначально злонамеренной и бесчеловечной политики государства.

Таким образом, экстремистская или террористическая группа, однажды возникнув, способна поддерживать направленность своей деятельности и включенность в нее ее членов за счет внутригрупповых психологических закономерностей функционирования и развития.

Следующий важный вопрос – какие социально-психологические характеристики присущи тем субкультурам и микросоциумам, на почве которых, чаще всего, произрастает и экстремизм, и терроризм? Большинство исследователей в первую очередь обращают внимание на ксенофобию. Ю.С. Пестерева и Е.И. Чекмезова [20] проводят очевидную параллель между понятиями «ненависть» и «вражда», используемыми в формулировке статьи 282 Уголовного кодекса Российской Федерации, и содержанием понятия «ксенофобия», обозначающего ненависть и нетерпимость к кому-либо или чему-либо чужому, незнакомому, непривычному. Авторы выделяют политическую, идеологическую, расовую, национальную, религиозную ненависть (вражду).

Как указывает Г.У. Солдатова, проблема ксенофобии «...является ключевой при изучении предубеждений, предрассудков, негативных установок и стереотипов по отношению к различным этническим, религиозным и социальным группам, а также при обсуждении вопросов войны и мира, формировании образа врага и т.д.» [24, с. 6]. Автор подчеркивает важность психологического анализа ксенофобии, ее функций, социально-психологических закономерностей формирования ксенофобических установок и ксенофобического мышления. Помимо расовых, этнических и религиозных фобий, она выделяет мигрантофобию (предубеждение против беженцев, вынужденных переселенцев, лиц, ищущих убежище), гандикапизм (предубеждение против лиц с физическими ограничениями, инвалидов), эйджизм (предубеждения, связанные с возрастом человека), сексизм (предубеждение на основе половой принадлежности) и т.п. Вариантов подобных

предубеждений и фобий может быть множество, и все они могут послужить основой для формирования и развития экстремистских настроений, инициации экстремистской деятельности, в том числе приобретающей форму терроризма.

Психологическим механизмом ксенофобии является поиск и фиксация человеком своей социальной идентичности как своей групповой принадлежности и своего положения в обществе. Идентичность же формируется в результате двух противоположных процессов – объединения, отождествления, идентификации, с одной стороны, и отделения, противопоставления, конфронтации – с другой. В кризисных ситуациях эти процессы обостряются, индивидуальная, личностная идентичность отступает перед групповой, возникают эффекты социально-психологической инфляции, ингруппового фаворитизма, групповой гиперидентичности. Другие группы воспринимаются как угрожающие, межгрупповые границы становятся субъективно непреодолимыми барьерами. Это – путь к развитию ксенофобии как опасного социально-психологического феномена.

В качестве другой социально-психологической характеристики субкультур и микросоциумов, облегчающих трансформацию в направлении экстремизма и терроризма, следует назвать интолерантность. Интолерантность представляет собой антоним понятия «толерантность».

Это слово в последнее время стало одним из наиболее употребляемых применительно к воспитанию молодежи и развитию общества в связи с широким распространением экстремистских идей. Толерантность (от лат. *tolerantia*) в переводе с латыни означает терпение. Данное понятие пришло в общественные и гуманитарные науки из медицины, где оно обозначало или неспособность синтезировать антитела в ответ на введение определенного антигена (иммунологическая толерантность) или снижение реакции на повторяющееся введение вещества, привыкание организма и в итоге способность организма без потерь переносить негативные влияния внешней среды (например, толерантность к психоактивным веществам) и т.п. Но чаще всего в современном мире под толерантностью понимается терпимость к чужому образу жизни, поведению, обычаям, чувствам, мнениям, идеям, верованиям и способность относиться к ним без раздражения.

Соответственно, интолерантность (от лат. *intolerantia* – непереносимость, нетерпимость) – это неприятие иного, чужеродного, отличного от «своего», привычного, традиционного. Интолерантность проявляется в широком диапазоне форм поведения – от обычной невежливости до ярого геноцида представителей инокультур.

Как отмечают И.С. Андронов и соавторы [1], толерантность либо интолерантность представляют собой достаточно обобщенную мировоззренческую и гражданскую позицию человека, проявляющуюся в различных сферах отношений и взаимодействия с другими людьми. Очевидна связь понятий «интолерантность» и «ксенофобия», не означающая, однако, их тождества. Если ксенофобия возникает в отношении «чужих», определяемых по внешним, априорным признакам (раса, нация, класс, религиозная принадлежность), то интолерантность может возникать в отношении конкретных людей, даже исходно «своих», но, как выясняется, придерживающихся иных взглядов, вкусов, оценок, демонстрирующих иной стиль мышления, поведения, восприятия, интерпретации и т.п.

«Истоки такой формы нетерпимости, ксенофобии, неприятия чужих нравов, обычаев, идей, верований, поведенческих стереотипов и т.п. – в убежденности, что “собственное” – единственно “правильное”, “естественное”, всегда “лучшее”. В пределе все это находит выражение в социальном и этническом нарциссизме, групповом самолюбовании и самовосхвалении, уверенности в собственной исключительности. Феномен социального и национального нарциссизма характерен, в частности, для радикалистских режимов, групп, движений, организаций. Это определяющий элемент их самосознания: они считают себя высшей общественной формой и любят себя в этом качестве. Они убеждены в обладании “абсолютом”, уникальным рецептом «спасения», обретения счастья и процветания для своей группы, народа или даже всего человечества» [26, с. 16].

Оборотная сторона нарциссизма – ненависть к «чужим», репрессивность и агрессия. Э. Фромм отмечает связь группового нарциссизма с межгрупповой неприязнью и агрессивностью, тенденцию к возвеличиванию образа собственной группы и принижению образа чужой. «Собственная группа выдается за защитника

человеческого достоинства, морали, права и благосостояния. Другая же получает проклятия, ее обвиняют во всех грехах, от обмана и беспринципности до жестокости и бесчеловечности. Оскорбление символов группового нарциссизма ... вызывает в народе реакцию столь бешеной агрессивности, что они готовы поддерживать даже милитаристскую политику своих лидеров. Групповой нарциссизм представляет собой один из главных источников человеческой агрессивности» [28, с. 253].

Сегодня мощным фактором, влияющим на распространение интолерантности и ксенофобии, являются разнообразные СМИ (в том числе сеть Интернет). Д.Г. Выговская отмечает, что в настоящее время вместо выполнения традиционных функций (информационной, развлекательной, мобилизующей, социально-организующей и др.) СМИ в первую очередь решают задачу манипулирования человеческим сознанием в интересах отдельных лиц или элитарных групп. Но такое манипулирование сознанием значительно понижает уровень социального здоровья [5, с. 119]. В том числе под воздействием СМИ могут усиливаться, распространяться, направляться экстремистские настроения.

Выделим еще один важный момент. Для осуществления экстремистской и террористической деятельности, которая наносит существенный ущерб материальным и моральным ценностям, попирает жизненные интересы других людей, убивает и калечит их, необходимым внутренним условием является пренебрежение этими ценностями, интересами и судьбами жертв такой деятельности. В целом можно говорить об исчезающе малой терминальной ценности других людей и общества в целом как базовом свойстве ценностно-смысловой сферы экстремистов и террористов.

Так, по мнению В.А. Соснина, «...одним из следствий изоляции групп террористов от представляемого ими культурного сообщества является убеждение в том, что нынешний мир нелегитимен и не имеет никакой ценности, причем как общество в целом, так и живущие в этом обществе люди. Террористы убеждены, что существующий порядок обречен, что ему на смену придет совершенно другое общество, ради которого необходимы радикальные изменения. На личностном уровне происходит обесценивание и своей собственной, и чужой жизни: цель оправдывает

средства, необходимые для разрушения мира во имя его спасения» [25, с. 54]. И далее: «По существу, террористы-смертники являются “психологически мертвыми”, считают себя находящимися уже по ту сторону мирских понятий добра и зла» [25, с. 54]. Следует отметить, что метафоры «психологическая» или «социальная» смерть применимы в существенной степени и к тем субъектам экстремистской или террористической деятельности, которые пока не готовы приносить в жертву собственные биологические жизни, но фактически уже вывели себя из системы нормальных человеческих связей и отношений.

Что касается групповых различий в распространении и проявлении экстремизма и терроризма, то здесь в первую очередь следует выделить различные возрастные группы граждан. И среди них особого внимания заслуживает молодежь и подростки.

О.И. Белый подчеркивает: «Особое место в проблеме экстремизма занимает молодежный экстремизм. В ситуации социальной неопределенности, нестабильности и социальной напряженности экстремальность молодежи может приобретать крайние, главным образом спонтанные черты, которые нередко перерастают в экстремистские настроения. Преимущественно групповой характер молодежного экстремизма, спонтанность и непредсказуемость придают данному явлению особую общественную опасность» [3, с. 78].

Поскольку сегодня молодежь РФ – это около сорока миллионов граждан или почти треть от общей численности населения страны, и поскольку позиции и настроения этой части граждан имеют наибольшие шансы влияния не только на настоящее, но и на будущее страны, то важность профилактики распространения экстремизма в этой возрастной группе трудно переоценить.

Элементы экстремистского поведения молодежи формируются на фоне деформации социальной и культурной жизни общества. В перечень основных причин роста экстремистского поведения молодежи исследователи склонны включать следующие: социальное неравенство, желание самоутвердиться в мире взрослых, недостаточная социальная зрелость, недостаточный профессиональный и жизненный опыт, а следовательно, и сравнительно невысокий (неопределенный, маргинальный) социальный статус.

На сходные причины указывает, в частности, З.И. Дадова [8]. Она пишет: «Чтобы лучше понять сущность молодежного экстремизма, необходимо проанализировать определяющие его факторы (детерминанты). Речь идет о комплексе причин, способствующих выработке такого поведения. Они могут быть идеологическими, социально-психологическими, социально-экономическими, культурными, нравственными, религиозными, политическими, информационными, историческими. Конечно, данный перечень носит достаточно условный характер и не является исчерпывающим, поскольку все указанные факторы-причины тесно взаимосвязаны и во многом обуславливают друг друга. Это и снижение уровня жизни значительной части населения, «преобладание досуговых ориентаций над социально полезными, изменение нравственно-ценностных ориентаций в целом и, как следствие, усиление агрессии, недостаточно эффективная система воспитательного воздействия на подростков, отсутствие действенной социальной профилактики проявлений экстремизма» [8, с. 162].

А.В. Забарин и А.С. Иванова на основе анализа результатов обследования студентов г. Санкт-Петербурга заключают, что «...основными факторами, влияющими на распространение экстремизма в молодежной среде, являются факторы социокультурного, этического порядка. На макроуровне это кризис легитимности модели распределения благ в современном российском обществе, а также кризис легитимности власти и права. Очевидно, что эти институты расцениваются в молодежном сознании как неспособные обеспечить соблюдение принципов социальной справедливости и социального равенства. Иными словами, сегодняшняя правовая, правоприменительная, экономическая системы не соответствуют системе этических норм, по которым оценивает окружающую действительность студенческая молодежь...» [10, с. 125]. И далее: «На микроуровне – кризис этичности поведения общества в целом, обусловленный, прежде всего, кризисом института семьи, семейных ценностей, а также противоречиями в системе образования и воспитания подрастающего поколения. Огромная роль во возвращении экстремистских настроений, по мнению молодежи, принадлежит СМИ, которые повинны в пропаганде аморализма и пороков».

С.С. Галахов, Л.Л. Тузов в своем исследовании показывают, что «степень экстремистской интенсивности и активности молодых людей в субъектах России, а также характер их распределения идентичны этим же показателям “взрослого” экстремизма. Это обстоятельство является свидетельством того, что экстремистская деятельность молодежи формируется в основном под влиянием общих для всей преступности факторов:

а) социальной депривации, то есть различия между завышенными социальными ожиданиями, порожденными трансформацией российского общества в 1990-е гг., и низким реальным уровнем духовного, экономического и социального состояния общества, обусловленного как объективными условиями, в которых происходит трансформация, так и допущенными при этом политическими ошибками. Бедными оказались миллионы семей. Криминальное и полукриминальное поведение взрослых как средство выживания и коррупционный характер социальных отношений усилили криминальный потенциал бытового окружения детей. В этой связи находится и факт значительного увеличения несовершеннолетних, оказавшихся без надлежащего родительского попечения и материальной поддержки;

б) частных, но специфических факторов, существенно травмирующих социальные установки подростков: разрушение и снижение уровня инфраструктуры, обеспечивающей занятием спортом, самодеятельностью и другими эффективными способами проведения досуга; расширение платных форм обучения и других благ обусловило их недоступность для многих подростков; с уходом пионерских и комсомольских организаций с общественной арены им на смену не пришли адекватные требованиям времени организационные формы социализации молодежи. Но именно в этом возрасте человек должен решать фундаментальные проблемы собственной судьбы: у него должны на нравственной основе формироваться защитные психологические механизмы, и на эти же годы приходится ранние проблемы социальной идентификации. Только в результате направленной социализации ребенок преодолевает агрессивность и лживость» [6, с. 24].

§ 2. Психология экстремизма и терроризма

Наряду с рассмотренными выше субкультурными, микросоциальными, групповыми психологическими предпосылками экстремизма и терроризма, серьезное внимание должно быть уделено научному анализу их индивидуальных предикторов.

Прежде всего, важным аспектом исследования «экстремистской» личности является анализ ее мотивации. Здесь одним из ключевых моментов анализа является различение реальных субъективных мотивов, которые двигали людьми в их экстремистской или террористической деятельности, и мотивов декларируемых, т.е. мотивировок. Д.В. Ольшанский отмечает, что мотивировки, даже искренние, носят «во многом привносимый, внешний характер по отношению к террористу» [19, с. 84]. Следовательно, для понимания поведения отдельного террориста важнее знание его реальной мотивации. Когда же речь идет о групповом терроризме, не меньшее значение приобретает и знание мотивировок, которые объединяют группу, придают некий общий смысл их деятельности.

Д.В. Ольшанский выделяет следующие реальные мотивы террористов: меркантильные мотивы, идеологические мотивы, мотивы преобразования мира, мотивы власти над людьми, мотивы привлекательности террора как сферы деятельности, «товарищеские мотивы» и мотивы мести за вред, нанесенный соратникам, мотивы самореализации [19, с. 84–85]. Наверное, это не все варианты мотивации актов террора. Кем-то может двигать желание прославиться, войти в историю, быть признанным «сверхчеловеком», кем-то – суицидальные мотивы, соединенные с желанием «громко хлопнуть дверью», уходя из этого мира, отомстить ему за неудавшуюся судьбу, кем-то – мотивы мученичества во имя некой сверхценной идеи.

Тем не менее, по мнению многих исследователей, несмотря на разнообразие возможной мотивации террористической деятельности, в ее основе чаще всего лежат деформированные, искаженные социальные потребности – в общении, товариществе, уважении, признании, самоутверждении и т.п. Во многих случаях деформация таких потребностей связана с их хронической депривацией либо с неспособностью самого субъекта их удовлетворять

социально приемлемыми способами. Другим внутренним фактором может выступать чрезмерная акцентуация отдельных потребностей, нарушения их относительного приоритета, когда стремление удовлетворять некоторую «выпяченную» потребность приобретает самодовлеющий характер, нарушая адекватность соотношения целей и средств их достижения.

М.М. Градусова считает необходимым специально рассматривать мотивацию преступлений в этнорелигиозном терроризме. Она утверждает, что «террористы этнорелигиозной мотивации являются абсолютно самодостаточными личностями и не нуждаются ни в свободе поведения, ни в свободе выбора. Для лица, придерживающегося радикальных взглядов на основе ислама, добровольно осуществляющего террористический акт, характерны, во-первых, полная осознанность своих поступков, которые мотивированы их законностью с точки зрения ислама; во-вторых, полная индифферентность к каким-либо другим социокультурным установкам, помимо исламских, которые террористом не отвергаются, а просто для него не существуют; в-третьих, полная волевая решимость совершить запланированное преступное действие» [7, с. 128].

Автор приходит к выводу, что в целом в исламистских радикальных группировках основными мотивами преступной деятельности, квалифицируемой как терроризм, могут выступать догматико-правовая легитимизация террора и корпоративный стимулятор террористического акта на основе клятвы «байят». Резюмировать оба упомянутых мотива преступной деятельности можно следующим образом: «дозволено» с точки зрения религии и «хорошо» с точки зрения корпоративного сообщества, к которому принадлежит террорист. Оба названных мотива формируют цели преступления в этнорелигиозном сегменте терроризма. Таким образом, цель преступления возникает на основе преступного мотива, а в совокупности мотив и цель образуют ту базу, на которой формируется вина как определенное интеллектуальное отношение и волевая деятельность субъекта, связанные с совершением преступления. В данном случае четко прослеживаются такие криминологические особенности этнорелигиозного терроризма, как его общая опасность, преступный характер исполнения, преднамеренное создание обстановки общественного страха,

оправдание применения насилия и психологического воздействия на объект террора в целях распространения преступных идей и преступных организаций этноконфессионального содержания.

Другой важный аспект исследования «экстремистской» личности – создание ее типичного психологического портрета. К сожалению, здесь не удастся создать универсальный и исчерпывающий перечень индивидуально-психологических особенностей, присущих любым субъектам экстремистской или террористической деятельности. Остановимся на отдельных, относительно удачных попытках такого портретирования.

Так, О.А. Бойко и А.Е. Юрицин [4, с. 33–34] выделяют такие основные психологические характеристики экстремизма и экстремистов:

1) Действия, осуществляемые в рамках экстремистской деятельности, совершаются для того, чтобы привлечь внимание общества и вызвать у населения страх. Например, главная цель демонстрации силы и воинственности (ультраправого радикализма) – добиться массового психоза. Так было во время недавних факельных шествий неонацистов на Украине и в Эстонии (осень 2014 г., июнь 2015 г.), когда чувства страха, беспомощности и беззащитности доминировали в сознании большей части русскоговорящих (не натурализовавшихся) людей этих государств.

2) Для экстремистского способа мышления характерно нарушение основных законов житейской логики и норм морали. Мир воспринимается через призму примитивного черно-белого измерения, подразделяется на ложь и истину. Окружающая действительность для экстремиста – это ложь, а экстремистская идея (идеология) – это истина. Враждебное отношение экстремистской идеологии выражается к любому альтернативному мнению, прослеживается нетерпимость к критическому осмыслению экстремистской модели поведения (поступков).

3) Поведенческие реакции экстремиста предполагают конфликтные проявления, так как он сталкивается с людьми, которые не разделяют его взглядов и убеждений, препятствуют их реализации путем активного сопротивления или пассивного неприятия.

4) Все действия экстремиста (с точки зрения его самооценки) являются успешными (независимо от их конечного результата).

Для него главное – не достижение цели, а ее «преступная мотивированность», как и всего поведения в целом (например, для экстремиста-убийцы не так важно, удалось ему убить врага или нет, значим сам факт решительного действия как выражение и доказательство экстремистских мотивов).

5) Экстремист живет в ситуации всеобщего неприятия и враждебности. Но любая личность, даже экстремист, нуждается и в положительных переживаниях, причем позитивных должно быть больше, чем негативных. Эмоции позитивные экстремист черпает в негативных. Ненависть к миру приносит ему искаженное чувство радости. Разрушительные негативные процессы в этом мире доставляют ему высшее моральное наслаждение.

Основываясь на этих характеристиках, авторы строят и «психологический портрет современного экстремиста». Он включает следующие основные параметры:

- ярая приверженность к какой-либо идеологии, вплоть до фанатизма (национального, этнорелигиозного, политического). Идеологические мотивы являются смыслообразующими, они определяют направленность личности экстремиста (его цели, задачи, взгляды, мировоззрение, потребности и пр.);

- минимизация социальных контактов (нарушение общественных связей);

- групповой нарциссизм, т.е. превосходство собственной группы (национальной, этнорелигиозной, политической) и системы ее норм, ценностей и атрибутов;

- групповая идентичность, преобладающая над эгоидентичностью (т.е. представление о себе базируется не на собственной неповторимости, а определяется принадлежностью к какой-либо референтной общности);

- жесткость и отсутствие сочувствия по отношению к своим жертвам;

- постоянная готовность принести себя в жертву;

- высокий уровень агрессии, избирательность последней (вспышки ярости и гнева направлены не на конкретных лиц, а на некий присущий им признак – национальность, религиозный выбор, расовую принадлежность).

Сравнивая указанные черты личности экстремиста с особенностями нарциссической персоны, профессор Ю.М. Антонян

приходит к выводу об их полной идентичности. Безусловно, «не каждая нарциссическая личность приходит к экстремизму как преступной деятельности, но личности экстремиста обязательно присущи нарциссические характеристики» [31, с. 146].

Ю.А. Клейберг и М.З. Шогенов дополняют собирательный психологический образ современного экстремиста обобщающим определением [14, с. 239]. Согласно их позиции, экстремист – это дезадаптированный в существующей социальной реальности маргинал, испытывающий беспокойство перед будущим, агрессивно настроенный, тяготеющий к силовым способам решения жизненных проблем, пренебрегающий правовыми нормами. Кроме того, они выделяют так называемый «комплекс силовика», присущий экстремисту. Его составляющими являются:

- нетерпение, стремление достигать целей кратчайшим путем;
- отрицание компромисса, использование силовых методов давления;
- согласие с принципом «цель оправдывает средства»;
- отрицание равенства человеческих прав и возможностей;
- склонность к агрессии, способность применить насилие ради собственных интересов;
- низкая значимость человеческой жизни как своей, так и окружающих.

Ведущим блоком принципов, из которых складывается комплекс, является предпочтение кратчайшего пути к цели, игнорирование прав человека и признание принципа «цель оправдывает средства» как идеологического и нравственного оправдания силового действия.

Весьма сходные психологические портреты получают и исследователи, занимающиеся психологией терроризма. Так, А.А. Бакин и Н.А. Липский на основе анализа отечественной и зарубежной литературы выделили следующие типов женщины-террористок [2, с. 22]:

- 1) универсальный агрессивно-насильственный;
- 2) агрессивно-ролевой;
- 3) корыстно-насильственный;
- 4) условно-агрессивный (зависимый, неустойчивый);
- 5) ситуационный;

6) субкультурный (криминально-идеологический) агрессивный;

7) насильственно-психопатологический.

При этом авторы отмечают, что «женщины-террористки отличаются значительным характерологическим, социально-демографическим и патопсихологическим разнообразием. Среди их доминирующих психологических особенностей следует выделить:

1) дихотомическое мышление (деление окружающих на своих и чужих);

2) снижение уровня эмпатии;

3) неспособность идентифицировать себя с другими людьми;

4) неуверенность и беспокойство за свое существование в связи с постоянным ощущением враждебности со стороны окружающих;

5) наличие акцентуации или психопатизации личности;

6) повышенную внушаемость и размытость границ между реальностью и фантазией (мифологизация террористической деятельности);

7) формирование соответствующей системы иррациональных, деструктивных, антигуманных ценностей» [2, с. 22].

Другой автор – Э. Шарафутдинова – дает характеристику особенностей женского терроризма в контексте исламского интегризма. Она утверждает, что существующий в обществе стереотип – женщины милосерднее, жалостливее и слабее «боевым духом», чем мужчины, – в реальности сегодняшнего времени далеко не всегда подтверждается. Наоборот, «женщины в силу присущих им особенностей нервной деятельности (более высокая подвижность, эмоциональность, возбудимость и т.д.) быстрее мужчин становятся агрессивными, идея уничтожения овладевает ими» [30, с. 177]. Автор считает верным мнение, что «гендерное неравенство в исламе становится одной из главных причин использования женщин в террористических актах» [30, с. 177].

В.А. Соснин, рассматривая в целом проблему мотивации террористов-смертников, полемизирует с распространенным мнением о том, что смертников-мусульман привлекает сам статус святых мучеников и небесная награда погибшим за дело ислама. Такое объяснение «не дает ответа на вопрос, почему жизнь самого террориста и потенциальных жертв-мусульман теряет для него

ценность. Не объясняет оно и того, что среди террористов-смертников становится все больше женщин» [25, с. 54]. Автор приходит к заключению, что «по-видимому, психологические корни суицидального терроризма лежат глубже – в поиске террористами-самоубийцами новой, более позитивной идентичности» [25, с. 54].

Обесценивание жизни, облегчающее совершение суицидального теракта, может быть вызвано не только радикальной идеологией, но и стремлением избавиться от негативной идентичности: от одиночества безродного человека, физически или морально потерявшего всех близких, от клейма позора, от чувства унижения за свою этническую группу.

Наиболее яркий пример стремления избавиться от негативной идентичности представляют те женщины-террористки, которых обесчестили эмиссары террористических организаций, лишив возможности вернуться в общество. Возможность совершить теракт преподносится их организаторами как единственная возможность спасти свою честь, перейти в статус «святой мученицы». Другая распространенная причина подобного суицида связана с потерей мужа, детей, близких родственников, утратой социальных связей, моральной поддержки.

Важно также отметить, что террористами-смертниками могут стать и молодые люди из сплоченных экстремистских политических групп. В таких случаях речь идет не об избавлении от негативной идентичности, а о подтверждении своей позитивной идентичности «строителей будущего» за счет еще более радикальных, теперь уже самоубийственных, террористических акций. Это еще раз указывает на отсутствие принципиальных психологических барьеров между экстремизмом и терроризмом.

В качестве одной из интегральных характеристик личности, склонной к экстремальным взглядам и поступкам, выступает ее устойчивая приверженность такого рода взаимодействию с социальной средой.

С.Б. Целиковский указывает на то, что «приверженность» – это психологическая категория. Если речь идет об отдельном человеке, то приверженность вообще – это характеристика, прежде всего, его мотивационной сферы, констатация стойкого мотива мыслить и действовать в соответствии с принятыми взглядами,

убеждениями, сложившимися отношениями, невзирая на препятствия и противоречия. Однако “приверженность крайним взглядам и действиям” – это еще и характеристика когнитивной сферы, всего ментального строя личности. Таким образом, индивидуальный экстремизм – это стилевая характеристика личности, определяющая высокую вероятность выбора ею крайних точек зрения, предельных средств и способов достижения выбранных целей, крайние варианты самих целей» [29, с. 124–125].

§ 3. Психолого-правовые аспекты противодействия экстремизму и терроризму в сети Интернет

В п. 13 новой Доктрины информационной безопасности РФ сказано: «Различные террористические и экстремистские организации широко используют механизмы информационного воздействия на индивидуальное, групповое и общественное сознание в целях нагнетания межнациональной и социальной напряженности, разжигания этнической и религиозной ненависти либо вражды, пропаганды экстремистской идеологии, а также привлечения к террористической деятельности новых сторонников. Такими организациями в противоправных целях активно создаются средства деструктивного воздействия на объекты критической информационной инфраструктуры» [9, с. 6].

Среди различных средств информационного воздействия сегодня следует особо выделить глобальную информационную сеть Интернет. Ресурсы воздействия Интернета на сознание граждан сравнимы с потенциалом всех традиционных СМИ (телевидения, печати и радиовещания), только не контролируемых государством и обществом.

Используя возможности Интернета и IT-коммуникации, идеологи экстремистских движений и групп активно наращивают информационное воздействие на население России, в первую очередь на неокрепшее сознание, неустоявшуюся систему социокультурных ценностей российской молодежи с целью ее размытия, подрыва духовных и нравственных устоев, исторических основ и патриотических традиций многонационального народа России. Российскому обществу и государству следует относиться

к задаче противодействия такому влиянию как к одной из наиболее жизненно важных.

Как отмечают С.С. Галахов и Л.Л. Тузов, «проблемы профилактики экстремизма в среде молодых людей невозможно разрешить без комплексного использования различных отраслей знаний» [6, с. 23]. Действительно, только соединение усилий специалистов из различных областей гуманитарного знания может обеспечить системный, практически эффективный подход к решению задач в этой области. В частности, не следует забывать, что профилактика экстремизма и терроризма в любых ее формах – это всегда, в конечном счете, воздействие на умы и чувства людей, а значит, здесь необходимо привлечение психологических знаний и специалистов.

Одним из направлений борьбы с проявлениями экстремизма в сети Интернет являются правовые методы нейтрализации негативной информации. В контексте этой проблематики весьма актуальной становится задача создания и совершенствования законодательного регулирования отношений, возникающих в связи с использованием Интернета.

В настоящее время многие правовые вопросы остаются нерешенными.

Прежде всего необходимо отметить, что в научной юридической литературе неоднозначно трактуется само понятие «Интернет». В связи с этим нет единства в определении круга правовых проблем построения и функционирования электронной среды и виртуального пространства, изучения механизмов правового регулирования информационных отношений.

Кроме того, как отмечалось в первом параграфе настоящей главы, на практике и в научной литературе отсутствует единое понимание и перечень существенных признаков, конституирующих понятия экстремизма. Нет и единых четких критериев, на основании которых та или иная форма поведения может быть отнесена к экстремистской. В этом плане следует отметить, что отсутствие системы общих критериев и единых оценок, касающихся проявлений экстремизма, в особенности его криминальных проявлений, приводит к проблемам в практической правоохранительной деятельности. Так, отсутствие единых критериев при производстве психолингвистических и психолого-лингвистических

экспертиз, а также очевидный недостаток специалистов в этой области, приводит к тому, что исследуя одни и те же материалы, разные эксперты приходят к диаметрально противоположным выводам.

Аналогичные проблемы возникают в работе органов правопорядка по выявлению и пресечению деятельности интернет-сайтов, содержащих информационные материалы противоправного характера, в том числе экстремистские, и лиц, размещающих такого рода информацию в сети Интернет.

Необходимость разработки и развития законодательства, направленного на урегулирование отношений, возникающих в информационной среде Интернет, назрела уже давно. Однако противодействие экстремизму не может быть задачей только самого государства. Усилий, предпринимаемых только государственными институтами, здесь явно недостаточно.

Более того, с помощью только карательных и репрессивных мер, которые предпринимают правоохранительные органы, невозможно в полной мере нейтрализовать негативные интернет-воздействия, предотвратить вступление молодых людей в различные экстремистские группировки и сообщества, поскольку именно жесткость репрессивных мер может способствовать повышению привлекательности таких группировок за счет эффекта «тернового венца», создавая их участникам имидж «жертв полицейского произвола».

Как совершенно справедливо отмечает Е.С. Скребец, отличительной чертой современного экстремизма является его способность к видоизменению, преобразованию и выработке новых форм, методов и путей осуществления деятельности [22]. В этом плане важной формой работы, направленной на противодействие экстремизму, является информационно-просветительская деятельность, связанная с разъяснением понятия и сущности экстремизма, его негативного влияния на общество и государство, а также оказание воздействия на граждан с целью формирования у них неприятия идей ксенофобии и насилия и привлечения к участию в противодействии экстремизму.

По мнению П.А. Кислякова [13], антиэкстремистская и анти-террористическая пропаганда в вузе должна строиться на следующих принципах:

– *принцип актуальности* заключается в изучении широкого круга вопросов, связанных с возникновением потенциальных угроз и опасностей террористического характера с учетом ведомственной принадлежности, региональных особенностей и пр.;

– *принцип активного участия*, требующий вовлечения обучаемых в сам процесс антитеррористической пропаганды, и формирование на этой основе способности к саморазвитию и самообразованию;

– *принцип информационной безопасности* состоит в отборе информации по вопросам личной безопасности;

– *принцип оптимизма*, заключающийся в формировании у студентов уверенности в возможности предупреждения опасных ситуаций.

Профилактика экстремизма и терроризма – это не только задача государства, но, в немалой степени, это задача и представителей гражданского общества.

Следует отметить, что в этом направлении профессорско-преподавательским составом НВГУ проводится большая работа. Она касается разработки и внедрения программ профилактики и коррекции деструктивных тенденций в подростковой и молодежной среде. Так, в течение уже нескольких лет на факультете педагогики и психологии НВГУ читается курс «Психология формирования гражданского общества», целью которого является подготовка специалистов (психологов, педагогов, социальных работников) для работы с подростками и молодежью по предупреждению и профилактике правонарушений, в том числе и экстремистского характера.

В контексте мер противодействия экстремизму формулируются и чисто психологические задачи. Одной из таких задач является выявление психологических особенностей людей, склонных к экстремизму и терроризму, а также лиц, поддерживающих и оправдывающих их [18]. Надо заметить, что создание обобщенного психологического профиля экстремиста или выделение некоторых психологических характеристик, однозначно предопределяющих экстремистское поведение, представляется маловероятным. Это связано как с трудностями организации подобных исследований (закрытость таких сообществ и т.д.), так и с особенностями изучаемого феномена: многообразием проявлений

экстремизма (от нравственно-бытового до философского или религиозного), различием социальных позиций отдельных членов таких сообществ, разнообразием мотивации и личностных типов.

Вызывают сомнения и различные попытки мониторинга склонности к экстремизму. В последние дни в СМИ прошла информация о том, что Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН) совместно с МВД готовит систему анкетирования студентов средних специальных учебных заведений и вузов на выявление склонности к экстремизму. Со ссылкой на заведующую отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований (ИСПИ) РАН Юлию Зубок «Ведомости» отмечают, что в качестве факторов, которые влияют на формирование у студентов склонности к экстремизму, могут рассматриваться материальное положение, наличие экстремистов в ближайшем окружении и настроенность на риск, а также степень доверия к власти и общественным институтам. Представляется, что научная и практическая ценность такого рода исследований будет невысока. С одной стороны, социально окрашенные вопросы будут провоцировать социально желательные ответы. С другой стороны, здесь не решен целый ряд методологических и этических проблем. В частности, возникает вопрос: правомерно ли автоматически относить к потенциальным экстремистам малообеспеченных граждан (доля которых в современном российском обществе весьма значительна), которые являются таковыми во многом благодаря малоэффективной и непоследовательной социально-экономической политике?

Какой бы ни была конкретная мотивация жестокого поведения, оно становится возможным именно при девальвированной ценности другого человека, при разрушении собственно человеческого отношения к другим. Если среда, в которой происходит социализация, не поднимает на достаточную высоту ценность личности и судьбы себе подобных, это место занимают ценности индивидуализма, потребительства, «сверхбольшого смысла» и т.п. Именно здесь лежат истоки ксенофобии, социальной, этнической и религиозной нетерпимости, именно из этой социально-психологической позиции субъекта один шаг до делинквентного поведения – как в отношении ближайшего окружения, так и в отношении больших групп людей, до примыкания к различным

экстремистским группировкам (ИГИЛ), до выбора террора как приемлемого способа доказательства своей правоты или своего превосходства [17].

Чрезвычайно важным направлением профилактической антиэкстремистской работы является восстановление и совершенствование системы воспитания подрастающего поколения в учебных заведениях и общественных структурах. Сегодня весьма актуальна задача возвращения воспитательной функции в школы, колледжи, вузы, поскольку стало ясно, что самоустранение государства и общества из этой сферы имеет тяжелые и долговременные действующие последствия. Однако формальный, методологически непроработанный подход к воспитанию детей и молодежи может принести больше вреда, нежели пользы.

В частности, так обстоит дело с идеей воспитания толерантности. Например, И.С. Андронов с соавторами пишут: «В практике противодействия экстремизму предполагается, что толерантность является тем необходимым инструментом, наличие которого позволяет осуществлять профилактику, создавать своего рода “иммунитет” против экстремистских идей, их распространения. Но на основе эмпирических данных – например, программа гармонизации межэтнических и межкультурных отношений (“Толерантность”) в Санкт-Петербурге – становится очевидным, что непосредственно методик, технологий, приемов воспитания толерантности нет, соответственно, в полной мере противостоять возникновению и распространению экстремистских взглядов должным образом не имеется возможности. Во-первых, это обусловлено тем, что теоретический уровень разработки данных программ незначителен. Во-вторых, в вопросах противодействия экстремизму более целесообразно использовать экологическую модель, т.е. максимально задействовать все факторы, которые прямо или косвенно воздействуют на ситуацию зарождения и разрастания экстремизма и к которым относятся экономические (уровень благосостояния граждан, безработица, распределение материальных и духовных благ и др.), политические (политический плюрализм, наличие институтов гражданского общества, существование обратной связи между обществом и государством и пр.), духовные (участие религиозных институтов, образование, культура и искусство) факторы» [1, с. 730–731].

Аналогичную позицию занимает З.И. Дадова, которая подчеркивает, что «общесоциальная система профилактики и раннее предупреждение правонарушений играют основополагающую роль в предупреждении экстремистских проявлений и наклонностей среди несовершеннолетних и подростков. Что же можно отнести к общесоциальным мерам профилактики? Это прежде всего государственные программы, направленные на разрешение правовых, экономических, духовных проблем несовершеннолетних, решение проблем безнадзорности, беспризорности подростков в малообеспеченных семьях, материнства; материальная поддержка детского спорта, творчества, ремесленничества, досуга; нравственно-духовная основа воспитания несовершеннолетних подростков; организация правового просвещения через средства массовой информации; укрепление способов и методов индивидуальной профилактики девиантного поведения подростков с психическими отклонениями и т.д. Немаловажную роль играет вовлечение несовершеннолетних в общественно полезные виды деятельности, являясь значительной предупредительной мерой» [8, с. 162].

С.П. Иванова обращает внимание на самостоятельную задачу формирования психологической устойчивости личности молодого человека в процессе воспитания. Она пишет: «Взаимоналожение разнообразных образцов и норм социальной жизни (половозрастных, региональных, общественных, планетарных и др.), благодаря и вопреки их некоторой противоречивости и неоднозначности, побуждает каждого современного юношу и девушку к самостоятельному сознательному выбору и созданию норм своего поведения. Однако совмещение жизненных целей и перспектив различного масштаба при сохранении собственной индивидуальности юношей и девушек возможно только на основе относительно стабильного образа “Я”. Неокрепшее, диффузное “Я” нуждается в сильном “Мы”, которое, в свою очередь, утверждается в противоположность каким-то “Они”. Это обуславливает необходимость создания специальной сети социально-психологической поддержки молодежи в процессе формирования личностной устойчивости к негативным социальным воздействиям разного уровня» [12, с. 135].

Отечественный и мировой опыт противодействия экстремизму показывает, что идеология насилия начинает широко распространяться тогда, когда она находит поддержку в обществе. В силу этого в профилактике экстремистских проявлений важную роль должны играть институты гражданского общества.

Экстремизм всегда основан на определенной идеологии – системе взглядов и идей в форме философских, исторических, политических, религиозных и иных учений. Специфическая идеология является одним из основных дифференцирующих признаков и необходимых компонентов экстремизма. В то же время идеологически экстремизм не однороден, хотя имеются и некоторые общие признаки идеологии, носящей экстремистский характер. В научной литературе выделены следующие признаки экстремистской идеологии:

- принудительное распространение ее принципов;
- нетерпимость к оппонентам, отрицание инакомыслия;
- попытки идеологического обоснования применения насилия по отношению к любым лицам, не разделяющим убеждения экстремистов;
- апелляция к каким-либо известным идеологическим учениям с претензиями на их истинное толкование и в то же время фактическое отрицание многих положений этих учений;
- доминирование эмоциональных способов воздействия на сознание людей в процессе пропаганды идеологии экстремизма, обращение к чувствам людей, а не к разуму;
- создание харизматического образа лидера экстремистского движения, стремление представить его непогрешимым.

В силу этого одним из основных направлений нейтрализации негативных интернет-воздействий должна стать разработка психологически обоснованных мер противодействия идеологии экстремизма.

Прежде всего противодействие различным идеологиям экстремизма и терроризма не может заключаться лишь в их осуждении, запрете, препятствовании распространению теми или иными способами и мерами. Упор на противодействие негативного, отрицающего характера создает в общественном и индивидуальном сознании идеологический вакуум. В отсутствие определенной государственной идеологии (что, к сожалению, закреплено в ст. 13

действующей Конституции РФ) он неизбежно будет заполняться идеологиями, не признаваемыми официально, в том числе вредоносными, патогенными для общества и государства.

Назрела необходимость мер позитивного, утверждающего характера, которые в первую очередь должны опираться на предложение, распространение и закрепление и в правовом поле, и в социальном обиходе принципиально иной идеологии, способной оказывать саногенное влияние на общественное и индивидуальное сознание, жизнь общества и государства. Как отмечал С.Б. Целиковский, такая идеология «должна быть теоретически и эмпирически обоснована, предлагать ясные, привлекательные, общественно и персонально значимые цели и смыслы, давать четкие и реалистичные перспективы их осуществления, опираться на знания о психологических законах и механизмах социального поведения, привлекать сторонников преимущественно путем рационального убеждения, проявлять гибкость, адаптивность, способность к развитию и самосовершенствованию. Ее базовыми принципами должны быть научность, безусловная ценность каждой отдельной личности, ее индивидуальности и судьбы, социальная справедливость, общественный прогресс» [29, с. 129].

В этом направлении сегодня движется общественная мысль в России – в поисках российской «национальной идеи», основы для самоопределения общности «народ России» или «российская нация». Это движение поддерживается президентом РФ, Общероссийским народным фронтом (ОНФ), однако до определенных результатов пока еще далеко.

В заключение следует подчеркнуть, что главным принципом противодействия экстремизму и терроризму должна стать не борьба с их проявлениями и симптомами, а устранение или ослабление сущностных факторов, чаще всего носящих социально-экономический или политико-идеологический характер.

Литература

1. Андронов И.С., Егоров М.И., Маргулян Я.А. Экстремизм и толерантность в социокультурной картине мира: место и роль в социальных отношениях // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. С. 726–733.

2. Бакин А.А., Липский Н.А. Женщины-террористки: психолого-психиатрический и криминологический анализ // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2016. № 3 (42). С. 19–25.
3. Белый О.И. Психолого-политическая стабильность молодежи – гарант защиты от экстремизма // Теория и практика общественного развития. 2012. № 3. С. 77–81.
4. Бойко О.А., Юрицин А.Е. Экстремизм: криминологические, психологические и полицейские аспекты противодействия // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 3 (66). С. 31–35.
5. Выговская Д.Г. СМИ: в фокусе внимания экстремизм или толерантность? // Вестник ЧелГУ. 2013. № 21 (312). С. 119–122.
6. Галахов С.С., Тузов Л.Л. Проблемы профилактики экстремизма в среде несовершеннолетних и молодежи // Наука и школа. 2015. № 5. С. 22–30.
7. Градусова М.М. Уголовно-правовой анализ мотивации преступления в этнорелигиозном терроризме // Вестник Томск. гос. ун-та. 2011. № 352. С. 123–128.
8. Дадова З.И. Экстремизм несовершеннолетних как актуальная проблема // Теория и практика общественного развития. 2014. № 11. С. 161–163.
9. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646.
10. Забарин А.В., Иванова А.С. Отношение к экстремизму студенческой молодежи: психолого-политическое измерение // Вестник СПбГУ. Сер. 12: Социология. 2013. № 1. С. 121–129.
11. Зинурова Р.И., Тузиков А.Р. Экстремизм в мировом пространстве: теоретико-методологический аспект // Вестник Казанск. технологич. ун-та. 2011. № 17. С. 214–221.
12. Иванова С.П. Внешние факторы психологической устойчивости личности в ранней юности и молодости // Вестник Псковск. гос. ун-та. Сер.: Социально-гуманитарные науки. 2009. № 9. С. 130–136.
13. Кисляков П.А. Формирование толерантности и профилактика идеологии экстремизма в молодежной среде // Современные исследования социальных проблем. 2011. № 3. С. 7–17.
14. Клейберг Ю.А., Шогенов М.З. Молодежный экстремизм: опыт социально-психологического исследования личности экстремиста // Общество и право. 2011. № 1 (33). С. 237–241.
15. Мамытов Т.Б. Мотивация террористической деятельности // Символ науки. 2016. № 6-2. С. 269–273.

16. Михайлова О.Ю. Социальные, правовые и психологические аспекты оценки проявлений экстремизма // Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в рамках государственной молодежной политики: Материалы конференции. Ростов-н/Д, 2009. С. 34–36.
17. Михайлова О.Ю., Романко О.А. Жестокость как предиктор молодежного экстремизма // Интернет-журнал «Мир Науки». 2016. Т. 4. № 6 (ноябрь–декабрь). URL: <http://www.adobe.com/ru/products/reader.html>.
18. Муращенко Н.В., Гриценко В.В. Экстремизм как социально-психологическое явление // Национальная безопасность. 2014. № 2 (31). С. 338–350.
19. Ольшанский Д.В. Психология террора. М., 2002. 320 с.
20. Пестерева Ю.С., Чекмезова Е.И. Мотивы преступлений экстремистской направленности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 1 (60). С. 55–57.
21. Писаренко О.Н. Экстремизм как социальное явление // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 9. С. 212–218.
22. Скребец Е.С. Информационное обеспечение противодействия экстремизму // Вестник КРУ МВД России. 2015. № 4 (30). С. 128–131.
23. Смертин А.Н. Экстремизм и терроризм: некоторые подходы к определению понятий // Вестн. С.-Петерб. ун-та МВД России. 2009. № 1. С. 54–59.
24. Солдатова Г.У. Психологические механизмы ксенофобии // Психологический журнал. 2006. № 6. Т. 27. С. 5–17.
25. Соснин В.А. Современный терроризм и проблема мотивации террористов-смертников // Национальный психологический журнал. 2010. № 2. С. 52–55.
26. Толерантность против ксенофобий / Под ред. В.И. Мукомеля и Э.А. Паина. М., 2005. 112 с.
27. Федорышин В.В. Террористы: основные детерминанты деятельности // Омский научный вестник. 2010. № 3 (88). С. 114–116.
28. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 2016. 624 с.
29. Целиковский С.Б. О психологических и идеологических предпосылках радикализма, экстремизма, терроризма // Научные ведомости Белгород. гос. ун-та. 2009. № 14 (69). Вып. 4/1. С. 123–129.
30. Шарафутдинова Э. Женский терроризм в контексте исламского интегризма // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2011. № 4. С. 170–180.
31. Экстремизм и его причины / Под ред. Ю.М. Антоняна. М., 2010. 288 с.

Глава 4

СПЕЦИФИКА СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ: ДЕЯНИЕ, УМЫСЕЛ И ЦЕЛЬ (ПСИХОЛОГО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

В настоящее время наблюдается рост социальных, межнациональных, межкультурных, межконфессиональных и тому подобных конфликтов, индивидуальных и групповых преступлений на этой почве, что создает существенную угрозу обществу и государству. Этим оправдывается установление в России административной и уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности и их оценка как представляющих высокую общественную опасность. Сегодня опасность этих преступлений многократно увеличивается, учитывая, что они часто провоцируются и совершаются с использованием колоссальных возможностей сети Интернет.

Следует отметить, что общественная опасность является одним из ключевых признаков деяния, которое признается преступлением в УК РФ [8]. При этом подчеркивается, что малозначительность (с точки зрения фактической опасности) деяния является основанием для того, чтобы не признавать его преступлением, даже при формальном наличии признаков, предусмотренных УК РФ в его Особенной части.

Общественная опасность является так называемым материальным признаком преступления, который считается объективным и неизменным. Она определяется через причинение существенного вреда охраняемым уголовным законом общественным отношениям, интересам, ценностям либо через угрозу причинения такого вреда. Однако характер и степень общественной опасности преступления могут быть разными. Характер общественной опасности в ряде случаев может быть оценен априорно, поскольку зависит от часто заранее известных ценности объекта посягательства, возможного вида причиняемого вреда, допустимой формы вины. Поэтому он вполне может быть

зафиксирован в так называемом формальном составе преступления.

В отличие от характера, степень общественной опасности конкретного преступления априорно оценить крайне сложно и даже невозможно, поскольку она зависит от вида и величины реального ущерба, от степени вины посягающего, от способа, места, времени и других обстоятельств совершения конкретного преступления. Заметим, что среди этих обстоятельств весьма важное место занимают внутренние для посягателя причины, т.е. обстоятельства и факторы психической природы. Корректность выявления и оценки этих обстоятельств и факторов имеет не только правовой, но и психологический аспект.

Подчеркнем, что в п. 3 ст. 60 УК РФ сказано: «При назначении наказания учитываются характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного...», т.е. степень общественной опасности конкретного преступления, которая может быть оценена только после его совершения и наступления последствий, необходимо, согласно УК РФ, учитывать при индивидуализации наказания.

Однако учет степени общественной опасности возможен только для преступлений с так называемым материальным составом. Для их констатации необходимо реальное наступление общественно опасных последствий. А для констатации преступлений с формальным составом (которых в УК РФ большинство) наступление общественно опасных последствий не обязательно!

Здесь, по мнению многих юристов, есть определенная коллизия. Так, С.В.Сыс проводит разграничение понятий «общественная опасность преступления» и «общественная опасность совершенного преступления» [7]. Критикуя имеющиеся попытки свести оценку общественной опасности преступлений к оперированию категориями, к которым они отнесены в УК, он указывает, что формально одинаковые преступления, относящиеся к одной и той же категории, влекущие ответственность по одной и той же статье УК, могут быть различны с точки зрения характера и степени общественной опасности последствий их совершения, а значит, и с точки зрения строгости надлежащего наказания. Автор заключает: если «общественная опасность преступления» позволяет определить

круг возможных преступных деяний и определить общие границы ответственности за них», то «...“общественная опасность совершенного преступления” дает возможность установить наличие преступления в конкретных деяниях преступника и назначить ему конкретное наказание с учетом всех объективных и субъективных признаков конкретного преступного деяния» [7, с. 120].

На наш взгляд, в случаях преступлений с формальным составом (и с так называемым усеченным составом) затруднено или невозможно выполнение оценки реальной общественной опасности совершенного преступления, которая подменяется априорной оценкой общественной опасности данной категории преступлений, зафиксированной в соответствующей статье УК РФ в уровне строгости предусмотренного за него максимального наказания. Как показывает К.И. Алферов [1], в этом случае затруднена констатация соответствия между фактическими обстоятельствами совершенного общественно опасного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовным законом, т.е. его полноценная квалификация. Вместе с тем он утверждает, что составы, которые законодатель объявляет законченными на стадии приготовления и покушения без реального причинения ущерба объекту, целесообразны якобы потому, «что они исключают необходимость при особо опасных формах приготовления доказывать наличие умысла в отношении преступного результата» [1, с. 82].

Мы обнаружили, что и в ряде случаев, когда инкриминируются преступления с формальным составом, ситуация весьма сходна. Такие преступления совершаются только с прямым умыслом, однако именно доказательству наличия прямого умысла субъекта часто не уделяется достаточного внимания. Показательными в этом отношении являются преступления экстремистской направленности, на анализе значения и путей определения субъективной стороны которых мы далее остановимся.

Прежде всего отметим, что несмотря на довольно активное обсуждение в юридических кругах понятия «преступления экстремистской направленности» в последние годы, его содержание остается недостаточно определенным. Имеются случаи подмены этого понятия иными – «экстремизм»,

«экстремистская деятельность». Закономерная критика таких подмен дается, например, В.В. Видякиным и М.С. Фокиным [2]. Они предлагают называть преступлениями экстремистской направленности, в первую очередь, деяния, предусмотренные уголовно-правовыми нормами, «...в которых мотив идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно мотив ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы является квалифицирующим признаком» [2, с. 170]. При этом такие преступления предлагается исключить из состава экстремистской деятельности.

На первый взгляд, такое предложение имеет рациональные основания, однако оно не свободно от противоречий. Так, например, ст. 280 УК РФ предусматривает ответственность за «публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности». Возникает вопрос: а сами такие призывы являются экстремистской деятельностью или представляют собой преступление экстремистской направленности? Видимо, должен быть дан первый вариант ответа, поскольку в статье ничего не говорится о мотивах, по которым совершаются такие призывы. Следует заметить, что в УК РФ вообще отсутствует определение понятия «экстремистская деятельность», хотя в ряде статей оно используется (например, в ст. 104.1 «Конфискация имущества», в уже упомянутой ст. 280 и т.д.) в составе квалифицирующих признаков. Определение этого понятия дано вне УК, в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с учетом последних редакций) [9].

Беспрецедентность ситуации, когда содержание квалифицирующего признака, согласно которому деяние может быть признано преступлением, определяется не статьей УК, а иным правовым документом, достаточно широко обсуждалась, правда, без заметных результатов. Обратим внимание на другое. В вышеупомянутом ФЗ определения только части деяний, отнесенных к экстремистской деятельности, содержат указание на их связь с социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежностью людей. При этом единственным пунктом при перечислении деяний, относящихся к экстремистской

деятельности, где упоминается мотив, является ссылка на ст. 63 УК РФ: «совершение преступлений по мотивам, указанным в пункте “е” части первой статьи 63 Уголовного кодекса Российской Федерации». Таким образом, для квалификации большинства видов экстремистской деятельности, перечисленных в Федеральном законе № 114-ФЗ, определения мотивов, по которым они совершаются, не требуется. Следовательно, понятие «экстремистская деятельность» является более общим, родовым по отношению к понятию «преступления экстремистской направленности».

Именно последние представляют особый и теоретический, и практический интерес для психолого-правового анализа. Прежде всего обратим внимание на сходства и различия в формулировках федерального закона и Уголовного кодекса РФ. С одной стороны, в Федеральном законе № 114-ФЗ выделяются такие виды экстремистской деятельности, как 1) возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; 2) пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии. С другой стороны, существует ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», в которой говорится о действиях, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

При некотором поверхностном сходстве формулировок они, по нашему мнению, принципиально различны. В федеральном законе речь, видимо, идет о «возбуждении» либо как о процессе, либо как о результате некоего воздействия. То есть субъект «экстремистской деятельности», надо понимать, как-то воздействует на некую неопределенную аудиторию людей (или даже одного человека?), и в результате этого воздействия происходит «возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни» у этой аудитории.

Здесь не только ничего не говорится о мотивах этого воздействия, но и не раскрывается содержание самого воздействия. Речь идет только о его эффекте, возникающем в головах у некой аудитории. Ведь в данном случае психологический смысл слова «рознь» – это негативное переживание реальных или мнимых отличий членов одной группы от членов другой группы, которое может приобретать форму неприязни, зависти, вражды, ненависти, неприятия, отвержения и т.п. Это психическое явление принадлежит не деятелю, а объекту воздействия, не коммуникатору, а реципиенту. Если же кто-то считает, что само воздействие и заключается в непосредственном «возбуждении» розни, тем самым он предлагает признать возможность непосредственного «пересаживания» переживания в психику другого человека посредством некоего «прямого подключения» к ней. В действительности психологическое воздействие с возможным результатом подобного рода всегда носит опосредованный характер. Оно включает в себя сочетание конкретных коммуникативных (информирование, убеждение, внушение, заражение и т.п.), а возможно, и физических действий, эффект от которых зависит не только от деятельности воздействующего, но и от свойств и состояния аудитории, а также от ситуации и обстоятельств воздействия.

Получается, что в данном случае предлагается наказывать не за конкретные действия субъекта (они не определены в законе), а за их психологический эффект, который может быть весьма различен в зависимости от того, на кого или на что они направлены. Для иллюстрации можно привести такой пример. Представим себе, что в присутствии некой аудитории иногородний вероисповедания правоверный мусульманин прерывает важную совместную деятельность или общение для того, чтобы совершить очередной намаз – ежедневную обязательную пятикратную молитву по строго определенным правилам. Или некий иноверец в присутствии ортодоксального иудея принимается за выполнение работы в субботний день. Могут ли такие действия «возбудить» переживания религиозной розни? Полагаем, что да, но только совсем не обязательно, поскольку эффект зависит от психических свойств, взглядов и отношений того, кто воспринимает эти действия. И абсурдно выглядело бы

требование рассматривать подобные действия как «экстремистскую деятельность» только потому, что в принципе они могут вызвать эффект «возбуждения розни» у некоторых людей.

Из сказанного следует, что административное или уголовное преследование за данный вид «экстремистской деятельности» будет оправданным только тогда, когда будет четко сформулирован исчерпывающий перечень относящихся к нему действий конкретного содержания и формы, причем этот перечень должен быть психологически обоснован в аспекте вероятности получения выраженного эффекта «возбуждения розни» (упомянутых в законе видов) у некой среднестатистической аудитории. Полагаем также, что в перечень таких действий могут входить только те, которые используются для целенаправленного психологического воздействия. Здесь мы вновь приходим к необходимости обнаружения определенной цели деятельности для того, чтобы она была признана экстремистской. А именно – необходимо доказать, что оказываемое психологическое воздействие было осознанно направлено на возбуждение розни, т.е. совершалось с прямым умыслом.

Что касается «пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности человека», то в данном случае, напротив, упоминается определенная категория психологических воздействий (пропаганда), направленных на передачу определенных идей, установок, интерпретаций с расчетом на их усвоение какой-либо аудиторией. Зато ожидаемый эффект производимых действий (факт и степень усвоения) не упоминается, поскольку, видимо, не обязателен, важно само их осуществление. Пропаганда также может осуществляться только с прямым умыслом, так как, очевидно, направлена на то, чтобы пропагандируемое содержание было усвоено аудиторией.

Важно отметить, что тщательный анализ определений вышеперечисленных двух видов «экстремистской деятельности», предусмотренных Федеральным законом № 114-ФЗ, показывает, что они не имеют точного соответствия в статьях УК РФ, а значит в настоящее время уголовно не наказуемы! Действительно, в близкой по содержанию ст. 282 УК РФ говорится о действиях, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо

группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе. То есть в федеральном законе речь идет об эффекте действий – возникающем у аудитории «возбуждении розни», но не упоминается о направленности действий на такой эффект. По сути дела, мы можем здесь говорить о криминализируемом деянии с материальным составом – важны последствия, при этом умысел не важен.

А в ст. 282 подчеркивается направленность неких действий на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства. Здесь обязательным признаком становится прямой умысел, а вот произошло ли в действительности возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение достоинства какого-либо человека или группы лиц, значения не имеет. То есть последствия уже не важны, достаточно осуществления самих действий с определенной осознанной целью для констатации законченного преступления. Это характерно для преступлений с так называемым формальным составом.

Обратим внимание также на то, что выявленные несоответствия не исчерпываются только тем, что в одном случае «возбуждение» – это результат, а в другом – цель потенциально наказуемых действий. Удивительно, но в ФЗ речь идет о возбуждении розни, а в статье УК – о возбуждении ненависти либо вражды, а понятие «рознь» вовсе не применяется! Идет ли при этом речь о разных деяниях, или содержание понятия «рознь» сводится к ненависти либо вражде? Несмотря на то, что в часто цитируемом толковом словаре С.И. Ожегова [3] понятие «рознь» в первом значении определяется как «вражда, ссоры», выясняется, что в нем и понятие «вражда» определяется через понятие «ненависть», и понятие «ненависть» – через понятие «вражда». Вряд ли стоит рассматривать такой источник как достаточный для трактовки соответствующих понятий.

В работе М.А. Осадчего [4] дается достаточно ясное определение понятий «ненависть» и «вражда», фигурирующих в ст. 282 УК РФ. Он пишет: «Ненависть является чувством сильнейшей неприязни. Вражда обычно трактуется как объективированная форма ненависти. Следовательно, понятия ненависти и вражды тесно взаимосвязаны. Однако между этими явлениями есть

существенное различие: ненависть – это психологическое состояние, вражда же – деятельность или готовность к деятельности. Можно сказать, что ненависть представляет собой начальную стадию вражды, в то время как вражда – ненависть, проявленная физически» [4, с. 75]. Как видим, здесь понятие «рознь» для раскрытия понятий «ненависть» и «вражда» не употребляется. Заметим кстати, что психологически более корректным является определение ненависти как чувства, а не состояния. Обратимся к словарю по психологии: «Ненависть – стойкое активное отрицательное чувство субъекта, направленное на явления, противоречащие его потребностям, убеждениям или ценностям. Способна вызвать не только соответствующую оценку своего предмета, но и активную деятельность, направленную против него. Формированию ненависти обычно предшествует острое недовольство, вызванное нежелательным развитием событий, или систематическое накопление более слабых воздействий от источника отрицательных переживаний; тогда предметом ненависти становится реальная или воображаемая причина этих событий» [10, с. 285–286]. В свою очередь, чувство это – «...одна из основных форм переживания человеком своего отношения к предметам и явлениям действительности, отличающаяся относительной устойчивостью...» [10, с. 691]. Таким образом, формирование и укрепление отрицательного отношения человека к чему-либо или кому-либо – основа для возникновения у него устойчивого чувства ненависти к этому объекту. А сформировавшееся чувство ненависти, в свою очередь, может находить свое выражение как в возникновении соответствующих эмоциональных состояний при столкновении со своим объектом, так и в поведенческих проявлениях вражды по отношению к нему.

Обратимся для понимания содержания термина «рознь» в Федеральном законе № 114-ФЗ ко второму его значению по С.И. Ожегову [3]: «Далеко не одно и то же, различны (разг.)». Рознь как признание и негативное переживание различий между группами людей лежит в основе такого явления, как «ксенофобия». Ксенофобия, по С.И. Ожегову, это «ненависть, нетерпимость к чему-н. чужому, незнакомому, иностранному». Таким образом, связь между понятием «рознь» в федеральном

законе и понятиями «ненависть» и «вражда» в ст. 282 УК РФ может быть установлена посредством понятия «ксенофобия», которое, видимо, и следовало употребить в обоих правовых документах.

Аналогичны расхождения между формулировкой в федеральном законе такого вида экстремистской деятельности, как «пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека...» и формулировкой в ст. 282 УК РФ «действия, направленные ... на унижение достоинства человека либо группы лиц...». Только при очень тенденциозной интерпретации этих двух формулировок можно сделать вывод об их совпадении по смыслу. Из пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности кого-либо совсем не обязательно следует унижение чьего-то достоинства, и наоборот, унижение достоинства может быть следствием и иных действий, а не только пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности. Тем более что в первом составе, как уже было показано, наступление последствий не важно, а ведь унижение достоинства можно рассматривать именно как возможный результат такой пропаганды, который может и не охватываться прямым умыслом пропагандирующего.

Как видно из сказанного выше, понятия умысла и цели преступлений экстремистской направленности тесно взаимосвязаны. Согласно п. 1 ст. 25 УК РФ («Преступление, совершенное умышленно»), «преступление признается совершенным с прямым умыслом, если лицо осознавало общественную опасность своих действий (бездействия), предвидело возможность или неизбежность наступления общественно опасных последствий и желало их наступления». Прямой умысел, с точки зрения психологии, и выражается в направленности совершаемых действий на определенный результат (в том числе таких, как «возбуждение ненависти либо вражды», «унижение достоинства» и т.п.), предполагает их подчиненность сознательно поставленной цели.

Таким образом, прямой умысел и цель преступлений, предусмотренных ст. 282 УК РФ, обнаруживаются, на наш взгляд, уже в том, что в ней указывается на «направленность» наказуемых действий.

Однако связь понятий «прямой умысел» и «цель» не означает их совпадение. Понятие «прямой умысел» связывается с тем, что субъект предвидит наступление общественно опасных последствий и желает их наступления». Но является ли при этом наступление общественно опасных последствий конечной целью для субъекта даже в случаях доказанного прямого умысла?

Критикуя попытки отождествления цели и последствий преступного деяния, А.И. Рарог указывает: «Цель никогда не совпадает с последствиями и отделена от него во времени. Квалификация преступления определяется постановкой цели, а вовсе не ее реализацией. Именно наличием цели, находящейся за рамками объективной стороны преступления с материальным составом, обусловлено повышение общественной опасности деяния. Поэтому в одних случаях именно благодаря наличию у правонарушителя специальной цели деяние становится уголовно наказуемым, а в других – такая цель обосновывает усиление ответственности за деяние, которое является преступным и без этой цели» [5, с. 85].

В.А. Смирнов [6], опираясь на подход О.С. Капинус, рассматривает три варианта соотношения цели и преступного результата. В первом варианте конечная цель субъекта совпадает с преступным результатом. Во втором преступный результат является для субъекта промежуточной целью, необходимой для достижения конечной цели. В третьем преступный результат является «побочным итогом» и не влияет на достижение конечной цели. В.А. Смирнов отмечает: «Здесь результат может восприниматься лицом, совершающим преступление, либо как неожиданный, незапланированный, либо как ожидаемый, но не принципиальный. В любом случае он никак не приближает исполнения задуманного» [6, с. 70]. Нам представляется, что третий вариант соотношения цели и преступного результата имеет место в случаях, когда преступление совершается неумышленно (по неосторожности) либо с косвенным умыслом. В случае деяний экстремистской направленности такой вариант не позволяет признать их преступлением, поскольку для этого необходимо наличие прямого умысла. Следовательно, для того чтобы упоминающиеся в ст. 282 УК РФ действия были признаны преступлением, необходимо доказать, что конечной или

промежуточной целью субъекта было именно «возбуждение ненависти либо вражды, а также унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе». Если возможность такого результата была для субъекта непредвиденной, либо ожидаемой, но не принципиальной для достижения его целей, то следует констатировать отсутствие состава преступления.

Заметим в заключение, что с психологической точки зрения любой внешний, объективно фиксируемый результат действий для субъекта может выступать, строго говоря, только как промежуточная цель. Ведь конечной целью любого человеческого действия является реализация побуждающего мотива и удовлетворение стоящей за ним потребности. А достижение внешних целей, в том числе и тех, что предусмотрены в качестве признаков преступлений в уголовном кодексе, выступает для субъекта скорее как средство, способ достижения внутренней, конечной цели. Поэтому верная оценка истинной направленности действий лица, подозреваемого или обвиняемого в преступлении экстремистской направленности, невозможна без выявления мотивов, по которым он совершил инкриминируемые ему деяния.

Литература

1. Алферов К.И. Особенности квалификации преступлений с усеченным составом // *European reseach*. 2015. № 3 (4). С. 79–83.
2. Видякин В.В., Фокин М.С. Соотношение понятий «экстремистская деятельность» и «преступления экстремистской направленности» // *Вестн. Омск. ун-та. Сер.: Право*. 2010. № 4 (25). С. 168–171.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М., 1999. 944 с.
4. Осадчий М.А. Правовой самоконтроль оратора. М., 2007. 316 с.
5. Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: Практическое пособие. М., 2009. 181 с.
6. Смирнов В.А. Цель как признак субъективной стороны преступления // *Сибирский юридический вестник*. 2014. № 1 (64). С. 65–72.
7. Сыс С.В. Об оценке общественной опасности и разграничении понятий «общественная опасность преступления» и «общественная

опасность совершенного преступления» // Уголовное право в эволюционирующем обществе: проблемы и перспективы: Материалы VI Международной научно-практической конференции. Курск, 2015. С. 116–121.

8. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 30.03.2016 г.). URL: <http://ukodeksrf.ru> (дата обращения: 04.09.2016).

9. Федеральный закон от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/12127578> (дата обращения: 04.09.2016).

10. Шапарь В.Б. Словарь практического психолога. М.; Харьков, 2005. 734 с.

Глава 5

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВАЯ СИСТЕМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИДЕОЛОГИИ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Для противодействия угрозам, связанным с распространением идеологии экстремизма и терроризма, в России сложилась определенная правовая и организационная система. В нашей стране сегодня действует целый блок законов и подзаконных нормативных правовых актов, напрямую или опосредованно регулирующих деятельность государственных органов, органов местного самоуправления, общественных структур и граждан по противодействию экстремизму и терроризму, в том числе в сети Интернет. Среди этих нормативных правовых актов наиболее важными являются следующие:

- Конституция Российской Федерации, которая устанавливает, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, предусматривает различные права человека и гражданина, в том числе и в информационной сфере. По сути, экстремистская деятельность связана с нарушением большинства норм, предусмотренных гл. 1 и 2 Конституции РФ;
- Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (гл. 5, 17, 19, ст. 13.15, 15.27, 15.27.1, 20.28, 20.29 и др.);
- Уголовный кодекс Российской Федерации (ст. 205.1, 205.2, 206, 207, 208, 277, 280, 282, 282.1, 282.2, 357, 360 и др.);
- федеральные законы: «О противодействии экстремистской деятельности», «О противодействии терроризму», «О безопасности», «О прокуратуре Российской Федерации», «О чрезвычайном положении», «О свободе совести и о религиозных объединениях», «О политических партиях», «Об общественных объединениях», «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»;
- стратегические документы: «Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации», «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», «Стратегия

государственной национальной политики до 2025 года», «Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года», «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации», «Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013–2018 годы» и др., также многочисленные указы президента, ведомственные нормативные акты.

Отдельно следует отметить «Стратегию противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года», которая определяет ключевые аспекты деятельности общества и государства в этой сфере. В Стратегии существенное место уделено проблеме противодействия идеологии экстремизма и терроризма в Интернете, в том числе в данной связи отмечается, что «информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть “Интернет”, стали основным средством коммуникации для экстремистских и террористических организаций, которое используется ими для привлечения в свои ряды новых членов, организации и координации совершения преступлений экстремистской направленности, распространения экстремистской идеологии» [5, с. 3].

Важным моментом стало и то, что «Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013–2018 годы» предусматривает проведение мероприятий по разъяснению сущности терроризма и его общественной опасности, формированию стойкого неприятия обществом, прежде всего молодежью, идеологии терроризма в различных ее проявлениях. Выполнение данной задачи предусматривает *«создание и задействование механизмов защиты информационного пространства от проникновения идей, оправдывающих террористическую деятельность»*, что также требует продолжения работы по формированию и совершенствованию законодательных, нормативных, организационных и иных механизмов, способствующих проведению мероприятий по противодействию распространению террористической идеологии, а также устранению причин и условий, способствующих ее восприятию» (курсив в цитате наш. – А.Л.) [3, с. 2].

Отечественные нормативные правовые акты соответствуют международным стандартам в области защиты прав человека, заложенным в таких документах, как Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г., Международный пакт о гражданских

и политических правах от 16 декабря 1966 г., Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21 декабря 1965 г., Декларация Генеральной Ассамблеи ООН от 25 ноября 1981 г. о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г., Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г.

Можно сказать, что одним из ключевых моментов в деле создания современной общегосударственной системы противодействия экстремизму и терроризму стало принятие 6 марта 2006 г. Федерального закона № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», который заменил Федеральный закон «О борьбе с терроризмом» 1998 г., впервые давший легальное определение таким понятиям, как терроризм, террористическая деятельность, террористическая акция, террорист, террористическая группа, террористическая организация, контртеррористическая операция, заложник и др. При создании первого профильного отечественного антитеррористического закона учитывались основные достижения в этой области других стран. Так, информационной поддержкой послужили положения британского закона «О предупреждении терроризма» (1974, 1976 гг.), немецкого – «О борьбе с терроризмом» (1986 г.), французского – «О борьбе с терроризмом и посягательствами на государственную безопасность» (1986 г.), американского – «О борьбе с терроризмом и применении смертной казни» (1996 г.) и др. Главным отличием нового закона 2006 г., в котором был учтен восьмилетний опыт противостояния терроризму и внутри государства, и на международной арене, стало то, что он направлен не только на пресечение, но, прежде всего, на предупреждение терроризма во всех его формах и проявлениях.

Процесс создания и развития организационной структуры системы противодействия экстремизму и терроризму регулировался соответствующей нормативно-правовой базой, которая претерпела существенную эволюцию.

Одним из наиболее важных нормативных актов является «Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации» (утв. президентом РФ 05.10.2009 г.), в которой сформулированы ключевые подходы РФ к организации антитеррористической

деятельности. Концепция впервые в истории нашего законодательства учитывает такие фундаментальные факторы, как расширение географии терроризма, интернациональный характер террористических организаций, создание крупных террористических формирований с развитой инфраструктурой, повышение уровня организованности террористической деятельности, в том числе распространение идей терроризма и экстремизма через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет и средства массовой информации.

В 2014 г. президентом был подписан Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 179-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который вводит такой квалифицирующий признак, как совершение преступлений с использованием сети Интернет в ст. 280 и 282 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие ответственность за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности и возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Кроме того, Федеральный закон от 03.02.2014 г. № 5-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» ужесточает уголовную ответственность за совершение преступлений экстремистского характера.

Федеральный закон от 28.12.2013 г. № 398-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» устанавливает порядок досудебного блокирования интернет-ресурсов, контент которых содержит призывы к массовым беспорядкам и экстремистской деятельности. Вопросы обеспечения информационной безопасности россиян регулируются также такими комплексными нормативно-правовыми актами, как «Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации», «Доктрина информационной безопасности Российской Федерации», недавно принятая новая «Концепция информационной безопасности Российской Федерации».

Другими важными документами стали уже упоминаемый Указ Президента РФ от 26.12.2015 г. № 664 «О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия

терроризму», а также Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», в котором среди основных угроз государственной и общественной безопасности указаны: «деятельность радикальных общественных объединений и группировок, *использующих националистическую и религиозно-экстремистскую идеологию*, иностранных и международных неправительственных организаций, финансовых и экономических структур, а также частных лиц, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране, включая инспирирование “цветных революций”, *разрушение традиционных российских духовно-нравственных ценностей*..; деятельность, связанная с использованием *информационных и коммуникационных технологий для распространения и пропаганды идеологии фашизма, экстремизма, терроризма и сепаратизма*, нанесения ущерба гражданскому миру, политической и социальной стабильности в обществе» (курсив в цитате наш. – А.Л.) [5]. Кроме того, среди решения задач национальной безопасности данная Стратегия подчеркивает необходимость повышения роли школы в воспитании молодежи как ответственных граждан России на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей, а также в профилактике экстремизма и радикальной идеологии.

В контексте проблемы правового и информационно-психологического противодействия идеологии экстремизма и терроризма особой темой является *осуществление государственного контроля в сети Интернет*. Осуществление общего надзора и контроля в Интернете является функцией Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), а также ряда других профильных ведомств, в том числе силовых. Федеральный закон от 07.07.2003 г. № 126-ФЗ «О связи» обязывает операторов предоставлять уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности РФ, всю необходимую информацию о пользователях и их деятельности в Интернете. Для создания технических возможностей организации контроля такой деятельности в сетях российских интернет-провайдеров установлено оборудование

Системы технических средств для обеспечения функций оперативно-розыскных мероприятий (СОРМ), разработанная рабочей группой представителей ФСБ России, Госкомсвязи, ЦНИИ связи и Главсвязьнадзором и введенная в действие в соответствии с приказом Министерства связи от 25 июля 2000 г. № 130 (зарегистрирован в Минюсте РФ 9 августа 2000 г. № 2339) «О порядке внедрения системы технических средств по обеспечению оперативно-розыскных мероприятий на сетях телефонной, подвижной и беспроводной связи и персонального радиовызова общего пользования». В 2015 г. в соответствии с приказом Министерства связи от 16.04.2014 г. операторами связи была проведена работа по приведению оборудования СОРМ к новым критериям функционирования, которые призваны обеспечить сбор более подробных и точных данных о пользователях Интернета. Кроме того, было введено требование о хранении полной записи их сетевых взаимодействий за период не менее 12 часов.

Начиная с 2008 г., российские интернет-провайдеры начали работу по блокировке доступа к ресурсам, внесенным в Федеральный список экстремистских материалов, который, согласно закону «О противодействии экстремистской деятельности», составляет Министерство юстиции РФ на основании решений российских судов.

В соответствии с Федеральным законом «О внесении изменений в Федеральный закон “О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию” и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.07.2012 г. № 139-ФЗ действует понятие досудебной блокировки, а также с 01.11.2012 г. в России начал действовать реестр запрещенных интернет-ресурсов (официальный сайт: <http://eais.rkn.gov.ru/>). Полномочия по решению о включении сайтов в данный реестр имеют также МВД, Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) и Роспотребнадзор.

В целях повышения оперативности с 1 февраля 2014 г. Генеральная прокуратура РФ получила полномочия, дающие право генпрокурору или его заместителям направлять запрос, в соответствии с которым Роскомнадзор без суда вносит в упомянутый выше реестр и блокирует интернет-ресурсы, содержащие призывы к экстремизму и массовым беспорядкам.

Следующим шагом по усилению контроля в сети Интернет стало принятие Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей», который в народе известен как «закон о блогерах». Данный закон содержит требование обязательной регистрации в Роскомнадзоре, интернет-ресурсов суточная посещаемость которых превышает 3 тыс. пользователей. Такие сайты теперь приравниваются к СМИ и подчиняются соответствующим ограничениям.

7 июля 2016 г. президент РФ подписал пакет законов, усиливающих уголовную ответственность за преступления террористической и экстремистской направленности. Данный пакет включает в себя Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О противодействии терроризму” и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» и Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности». Данные законы ориентированы на расширение полномочий правоохранительных органов, определение новых требований к операторам связи и интернет-проектам, определение новых требований к перевозчикам-экспедиторам и операторам почтовой связи, усиление регулирования религиозно-миссионерской деятельности.

Среди основных новелл в законодательстве отметим следующие.

В Уголовный кодекс РФ введена ст. 205.6, которая устанавливает наказание тем, кто не сообщил в полицию или специальные органы «о лице/лицах, которые по достоверно известным сведениям готовят, совершают или совершили» преступления различных категорий (например, «международный терроризм», «вооруженный мятеж, направленный против территориальной

целостности России» и др.). Максимальная санкция по данной статье – лишение свободы на срок до одного года.

Ужесточено наказание за терроризм и преступления экстремистской направленности. Так, за участие в террористической организации предполагается ответственность в виде лишения свободы на срок от 10 до 20 лет.

Также в Уголовный кодекс РФ введена статья, предусматривающая наказание за склонение или вербовку для совершения массовых беспорядков (санкция: штраф в размере от 300 тыс. до 700 тыс. рублей либо лишение свободы на срок от 5 до 10 лет).

Ужесточено наказание за такие преступления, как организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем, в том числе за рубежом, возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), организация деятельности экстремистской организации, экстремистского сообщества, финансирование экстремистской деятельности и др.

Кроме того, новый закон уточняет понятие «финансирование терроризма», под которым, в том числе, будет пониматься «предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки или совершения» террористических преступлений».

Также усиливается ответственность за призывы к террористической деятельности и оправдание терроризма (т.е. «публичное заявление о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании») в Интернете, которые теперь приравнены к призывам в СМИ. Санкция: семь лет лишения свободы с дальнейшим запретом занимать некоторые должности на срок до пяти лет.

Люди, имеющие непогашенную судимость по преступлениям, связанных с терроризмом («теракт», «захват заложников», «насильственный захват или удержание власти», «посягательство на жизнь государственного деятеля», «вооруженный мятеж» и др.), лишаются права покидать Россию.

Операторы связи и интернет-провайдеры в течение шести месяцев обязаны хранить на территории России записи звонков, переписку, изображения, звуки, видео- и другие сообщения

пользователей. Кроме того, в течение трех лет операторы обязаны хранить информацию о самом факте приема или передачи сообщения или звонков.

Вводится понятие «миссионерская деятельность», которой будет считаться религиозная практика вне специальных заведений, кладбищ, мест почитания, религиозных школ – богослужения, церемонии, распространение литературы и других материалов, чтение проповедей. Миссионерством будет признаваться и «распространение веры и религиозных убеждений» через СМИ и Интернет. Миссионерской деятельностью смогут заниматься только представители зарегистрированных организацией групп – или те, кто заключил с ними специальный договор.

В Уголовный кодекс РФ введена статья «Акт международного терроризма», направленная на осуждение обвиняемых в подготовке и совершении теракта за рубежом, в результате которого погибли или пострадали российские граждане, а также тех, кто финансирует подготовку терактов. За международный терроризм санкция предусматривает наказание в виде заключения на срок от 10 до 20 лет либо пожизненное лишение свободы.

«Операторов почтовой связи» (например, «Почту России» или частные почтовые компании) обязали следить за тем, чтобы в посылках не было предметов, запрещенных к пересылке. Среди них: деньги, оружие, наркотики, яды, скоропортящиеся продукты и вещества, которые могут навредить сотрудникам почты или повредить другие посылки. Сотрудники теперь должны проверять посылки с помощью рентгена, металлоискателей и других специальных устройств. В случае обнаружения посылок с запрещенными предметами сотрудники имеют право задерживать или уничтожать их

Наконец, закон увеличивает перечень преступлений, по которым к уголовной ответственности можно будет привлекать с 14 лет. Среди таких преступлений: международный терроризм; участие в террористических сообществах, террористических организациях и незаконных вооруженных формированиях; прохождение обучения терроризму; участие в массовых беспорядках; посягательство на жизнь государственного и общественного деятеля и нападение на лица и учреждения, которые пользуются

международной защитой, а также угон самолета, поезда или водного транспорта; несообщение о преступлении.

В целом, изменения, произошедшие в антиэкстремистском и антитеррористическом законодательстве за последние годы, были направлены на:

- создание целостной общенациональной системы противодействия идеологии терроризма, в том числе в сети Интернет;

- осуществление мер правового, организационного, оперативного, административного, режимного, военного и технического характера, направленных на обеспечение антитеррористической защищенности потенциальных объектов террористических посягательств;

- усиление контроля за соблюдением административно-правовых режимов;

- обеспечение мер по минимизации и ликвидации последствий проявлений терроризма (оказание экстренной медицинской помощи, проведение аварийно-спасательных и противопожарных мероприятий, социальная реабилитация лиц, пострадавших в результате теракта, и лиц, участвовавших в его пресечении, возмещение морального и материального вреда лицам, пострадавшим в результате теракта и др.);

- ресурсное обеспечение антиэкстремистской и антитеррористической деятельности;

- формирование единой эффективной системы подготовки сотрудников различных ведомств, специализирующихся на борьбе с экстремизмом и терроризмом;

- совершенствование современных специальных технических комплексов и способов получения упреждающей информации о действиях и намерениях экстремистских и террористических группировок;

- создание уровневой системы ситуационного реагирования на террористические угрозы, в рамках которой предусматривается возможность установления трех уровней террористической опасности: повышенный – «синий», высокий – «желтый», критический – «красный» [6];

- создание нормативно-правовой и организационной системы государственного контроля в сети Интернет и др.

Вышерассмотренные нормативные акты стали правовой основой для процесса формирования *организационной системы противодействия экстремизму и терроризму* в России. Работа в этом направлении началась уже в 90-е гг. Новый этап был связан с усложнившейся обстановкой в стране и возрастанием террористических угроз, что стало одной из причин создания в 2006 г. координационной межведомственной структуры «Национальный антитеррористический комитет» (НАК), которая явилась основой новой организационной системы по борьбе с *терроризмом*. Для организации межведомственного взаимодействия по пресечению террористических актов и управления контртеррористическими операциями в его составе был создан Федеральный оперативный штаб (ФОШ).

В названные государственные структуры входят представители Федеральной службы безопасности (председателем НАК по должности является директор ФСБ России), руководители Министерства внутренних дел, Министерства транспорта, Министерства здравоохранения и других государственных ведомств. Важно, что в состав НАК помимо руководителей федеральных органов исполнительной власти входят представители руководства Совета Федерации и Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации, а также представители администрации президента и правительства России.

Сегодня Национальный антитеррористический комитет – это коллегиальный орган, координирующий и организующий антитеррористическую деятельность органов государственной власти на федеральном уровне, на уровне субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, где также функционируют антитеррористические комиссии (АТК) и оперативные штабы.

Организационная основа противодействия терроризму имеет архитектуру двух взаимоувязанных вертикалей. Первую из них составляют структуры, координирующие работу органов исполнительной власти по профилактике терроризма, а также минимизации и ликвидации их проявлений: НАК и АТК, вторую – структуры, осуществляющие управление мероприятиями по борьбе с терроризмом: ФОШ и оперативные штабы в регионах. На сегодняшний момент завершается процесс создания соответствующих

структур и в первичном звене управления – муниципальных образованиях, что позволит завершить в полном объеме формирование единой вертикали антитеррористической системы от федерального до местного уровня. Причем необходимо отметить, что практическая роль антитеррористических комиссий муниципальных образований наиболее высока, поскольку именно их представители имеют устойчивый повседневный контакт с населением, возможности для проведения адресной работы с конкретными гражданами, подверженными воздействию радикальных идеологий.

Для обеспечения на постоянной основе функционирования НАК и ФОШ, анализа состояния общегосударственной системы противодействия терроризму, подготовки необходимых предложений по ее оптимизации, а также для осуществления контроля и оказания практической и методической помощи антитеррористическим комиссиям и оперативным штабам в регионах России в составе ФСБ создан аппарат Национального антитеррористического комитета [см.: 4].

Компетенция органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в организации и осуществлении мероприятий по предупреждению терроризма и экстремизма, минимизации их последствий, а также участие органов местного самоуправления в вопросах профилактики терроризма и экстремизма на территории муниципальных районов и городских округов урегулированы нормативными правовыми актами, предусмотренными отсылочными нормами Федерального закона № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», и Указом Президента РФ от 5 февраля 2006 г. № 116 «О мерах по противодействию терроризму». Полномочия в области противодействия терроризму федеральных органов исполнительной власти регулируются Постановлением Правительства Российской Федерации от 4 мая 2008 г. № 333.

Основным субъектом противодействия *экстремистской* деятельности, в том числе в сети Интернет, является Министерство внутренних дел России. Так, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 6 сентября 2008 г. № 1316 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» (в ред. Указов Президента РФ от 1 марта 2011 г. № 254, от 5 сентября 2011 г. № 1158) органы внутренних дел являются основным координатором многообразной деятельности

по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений экстремистской направленности, для чего в структуре МВД были созданы специализированные подразделения по противодействию экстремизму.

Важное место в государственной системе противодействия экстремизму и терроризму, в том числе в сети Интернет, занимает прокуратура. Как отмечает начальник управления по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности, международных отношениях, противодействию экстремизму и терроризму Генеральной прокуратуры Российской Федерации Ю.П. Хохлов, члены деструктивных организаций активно используют информационно-телекоммуникационную сеть Интернет для распространения экстремистских материалов, привлечения в свои ряды новых членов и координации противоправной деятельности. Под воздействием экстремистской пропаганды, прежде всего в сети Интернет, молодежь из разных регионов России приобретает к участию в так называемом джихаде. «Для целей террористических групп широко используются коммуникационные возможности социальных сетей “ВКонтакте” и “Одноклассники”, “Фейсбук” и “Твиттер”, где создается большое количество страниц и сообществ в целях пополнения рядов незаконных вооруженных формирований (НВФ) и их пособников, разворачивается активная пропагандистская работа. При этом преобладает и имеет тенденцию к росту количество преступлений, совершенных с использованием сети Интернет. Удельный вес таких деяний в структуре экстремистской преступности в настоящее время составляет практически две трети» [см.: 9, с. 16].

В соответствии с действующим законодательством прокуроры имеют полномочия направлять в суд заявления о признании экстремистскими информационных материалов, призывающих к осуществлению экстремистской деятельности или оправдывающих ее осуществление. По данным прошлого года в период с 2010 по 2015 гг. судами по заявлениям прокуроров признано экстремистскими 2,8 тыс. информационных материалов. С 1 февраля 2014 г. вступили в силу изменения в законодательство, позволяющие Генеральной прокуратуре РФ направлять в Роскомнадзор требования о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам экстремистского характера во внесудебном порядке.

Подобным образом были заблокированы такие сайты Северно-Кавказского региона, как «Кавказ-центр», «Имарат Кавказ», которые осуществляли информационную поддержку террористов, освещали совершаемые ими преступления, распространяли идеи радикального ислама, размещали призывы к совершению террористических актов.

Также по требованию Генеральной прокуратуры по состоянию на 2015 г. Роскомнадзором было заблокировано более 160 веб-ресурсов, предназначенных для финансирования незаконных вооруженных формирований в Сирийской Арабской Республике. На этих сайтах были размещены текстовые и аудиовизуальные материалы, героизирующие деятельность международных террористических организаций, содержались призывы оказать им финансовую поддержку, указывались номера QIWI-кошелька, мобильных телефонов и иные платежные реквизиты.

В соответствии с положениями Федерального закона от 23 мая 2015 г. № 129-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации», который предусматривает основания и порядок признания нежелательной деятельности иностранной или международной неправительственной организации на территории России, решения о признании деятельности какой-либо организации нежелательной принимает Генеральный прокурор Российской Федерации или его заместители по согласованию с Министерством иностранных дел Российской Федерации. Указанный закон вносит изменения в целый ряд нормативных правовых актов, в том числе Уголовный кодекс, Кодекс об административных правонарушениях, а также в Федеральный закон от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», ст. 3.1 которого позволяет понять, почему деятельность той или иной иностранной или международной неправительственной организации на территории России оказывается «нежелательной»: «деятельность иностранной или международной неправительственной организации, представляющая угрозу основам конституционного строя Российской Федерации, обороноспособности страны или безопасности государства, может быть признана нежелательной на территории Российской Федерации» [8].

Говоря о государственной системе противодействия экстремизму и терроризму, нельзя не коснуться такой важнейшей проблемы, как перекрытие путей финансирования террористических организаций, в том числе с использованием технических возможностей Интернета. В связи с этим особое значение приобретает международное сотрудничество в области противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем. В этом направлении, кроме уголовного судопроизводства, сформировались и непроцессуальные способы сотрудничества и взаимодействия правоохранительных органов, например, обмен информацией, а также предоставление правовой помощи, включая уголовные дела и процедуры исполнения судебных решений.

Кроме того, в рамках действующих международных актов, к которым присоединилась Российская Федерация, в том числе резолюции Совета Безопасности ООН от 17 декабря 2015 г., обязывающей государства бороться с источниками финансирования террористов, помимо прочего, через замораживание активов, развивается взаимодействие с международными организациями в этой сфере. К их числу относятся Группа разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (FATF), Группа подразделений финансовых разведок «Эгмонт», Комитет экспертов Совета Европы по оценке мер противодействия легализации преступных доходов, Интерпол, Европол и др. Участие в указанных организациях дает государствам возможность получать доступ к единым информационным базам данных и полные сведения из них в предельно сжатые сроки [подробнее см.: 1].

За прошедшее десятилетие в системе противодействия экстремизму и терроризму произошли существенные позитивные сдвиги, в том числе сделан значительный шаг в преодолении разобщенности в действиях силовых структур и иных заинтересованных ведомств в сфере антиэкстремистской и антитеррористической деятельности, осуществлено разделение компетенций в этой области между различными органами исполнительной власти (при этом следует отметить, что работа в данном направлении должна продолжаться). Сегодня законодательство в достаточной степени наделяет руководителей всех координационных структур (НАК, ФОШ, МВД, прокуратуры и др.) достаточным объемом полномочий.

Как уже отмечалось, в основу действующей системы противодействия экстремизму и терроризму заложено понимание того, что эти явления – не просто наказуемые правонарушения, а сложные социально-политические явления, в борьбе с которыми не может преобладать один только силовой подход, дающий, как правило, лишь временный эффект. Таким образом, был осуществлен переход от преимущественно силового подавления очагов экстремизма и терроризма (борьбы) к комплексной работе в этой сфере (противодействию). Сегодня эта система должна строиться и функционировать по превентивному принципу, акцентируя внимание на мерах по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию экстремистской и террористической деятельности, в том числе в интернет-пространстве, а также на деятельности по профилактике экстремизма и терроризма, минимизации и ликвидации последствий их проявлений.

Предупредительно-профилактический характер работы национальной системы противодействия экстремизму и терроризму определяет в качестве одной из самых приоритетных задач информационное противодействие идеологии этих явлений. Данная работа проводится в соответствии со «Стратегией противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» и «Комплексным планом противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013–2018 годы» (утв. Президентом РФ 26.04.2013 г. № Пр-1069). Сегодня в нашей стране ведется большая целенаправленная работа по информационному противодействию экстремизму и терроризму с целью выработки у граждан, особенно у молодежи, стойкого неприятия экстремистской и террористической идеологии.

Для выполнения этой важнейшей задачи в нашей стране проводится большая работа по созданию целостной системы информационного противодействия экстремизму и терроризму. Основы данной системы были заложены уже в 2012 г. Так, в докладе Первого заместителя руководителя аппарата Национального антитеррористического комитета генерала-лейтенанта Е.П. Ильина было отмечено, что система информационного противодействия экстремизму и терроризму структурно представляет собой совокупность пяти подсистем: институциональной, организационной, правовой, идейно-аргументационной, кадровой. Задачей первой –

институциональной – является не только координация органов власти и соответствующих профильных структур, но и, что крайне важно, привлечение к противодействию идеологии терроризма институтов гражданского общества, научного, образовательного и бизнес-сообщества, СМИ, поскольку они, являясь частью общества, обладают огромным потенциалом в деле формирования соответствующего сознания. Они должны привлекаться к разработке и реализации соответствующих теоретических методик, стратегий, программ информационного противодействия идеологии экстремизма и терроризма [3, с. 6].

Эта работа проводится в различных направлениях, в том числе через систему образования, посредством воспитания у учащихся активной гражданской позиции, формирования ценностей патриотизма, осуществления деятельности по гармонизации межнациональных отношений. Для этого проводится большое количество различных мероприятий, среди которых круглые столы, конференции и конгрессы различного уровня.

Кроме того, сегодня проводится работа по созданию в регионах и муниципалитетах (преимущественно при вузах) сети общественных информационно-аналитических центров антиэкстремистской и антитеррористической направленности, в состав которых кроме официальных представителей власти должны входить видные деятели науки, образования, культуры, авторитетные представители религиозных и общественных организаций, СМИ, блогосферы, активисты молодежных организаций. «Главной задачей центров должно стать глубокое научное изучение современной идеологии терроризма и всемерное противодействие этой идеологии: подготовка аналитических сборников, докладов и записок, предложений и рекомендаций по вопросам противодействия терроризму; организация конференций, семинаров и курсов по актуальным проблемам терроризма; разработка информационного контента в виде лекций, брошюр, компакт-дисков с видеороликами и текстами в целях оказания помощи в проведении эффективной, грамотной разъяснительной работы среди различных групп населения и особенно молодежи. А самое главное – проведение ежедневной, достаточно рутинной работы с выделенными категориями населения» [3, с. 11].

Таким образом, в Российской Федерации существует многоуровневая система противодействия экстремизму и терроризму, в том числе противодействия распространению их идеологии. При этом сегодня остается актуальным целый ряд нерешенных проблем в ее правовом и организационном блоках. Обозначим некоторые из них.

- Сегодня наблюдается крайне недостаточное нормативно-правовое регулирование в рамках международного взаимодействия государств в сфере противодействия экстремизму и терроризму в информационно-коммуникационном пространстве. Исключительно национальных регулятивных и охранительных правовых норм совершенно недостаточно, поскольку сайты террористической направленности часто создаются в доменной зоне на территориях других стран. Поэтому для пресечения террористической и экстремистской пропаганды в Интернете, в том числе в блогосфере и социальных сетях, необходимо осуществлять активное международное сотрудничество государств, прежде всего, через создание соответствующей международной договорной правовой базы, а также выработку механизма реализации такого взаимодействия во исполнение положений п. 12 Глобальной контртеррористической стратегии ООН. Необходимо инициировать в рамках ООН разработку и принятие международного правового акта по взаимодействию в сфере противодействия экстремизму и терроризму в глобальном информационном пространстве. Вероятно, начало деятельности по разработке такого акта следует начинать через работу в этом направлении со странами, входящими в СНГ, а также государствами-членами ОДКБ и ШОС.

- Несмотря на последние изменения в российском законодательстве по противодействию по идеологии экстремизма и терроризма в сети Интернет, необходимо продолжить работу в этом направлении, в том числе в части уточнения юридического статуса и ответственности модераторов, операторов связи и провайдеров. Кроме того, не утратила актуальности идея о создании специализированного закона, прописывающего права, обязанности и ответственность пользователей сети Интернет на территории России.

- Необходимо продолжить работу по преодолению разобщенности и усилению взаимодействия профильных органов в деятельности по противодействию распространения идеологии экстремизма и терроризма, а также уточнению полномочий и компетенций органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

- Необходимо регулярно проводить анализ правоприменительной практики в данной области, в том числе на предмет соответствия между требованиями законодательных нормативных правовых актов и требованиями внутриведомственных актов.

Эффективная деятельность по противодействию экстремизму и терроризму, дальнейшее развитие нормативно-правового поля в этой сфере одним из своих условий имеет обязательность наличия инструментов четкой юридической квалификации соответствующих правонарушений. Ведь нередко следственные органы и суды, да и привлекаемые к расследованию подобных дел (особенно по правонарушениям, совершенным с использованием сети Интернет) эксперты сталкиваются с трудностями в этом вопросе. По нашему мнению, одной из таких проблем, связанной со спецификой преступлений экстремистской направленности, является определение признака общественной опасности и таких элементов их состава, как деяние, умысел и цель.

Литература

1. Веселкова Е.Е. О механизме двустороннего сотрудничества государств в области иностранных инвестиций // Законодательство и экономика. 2015. № 10. С. 36–46.

2. Ильин Е.П. Доклад первого заместителя руководителя аппарата Национального антитеррористического комитета // Материалы III Всероссийской научно-практической конференции «Концепции противодействия терроризму в Российской Федерации». М., 2012. Т. 1. С. 3–16.

3. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2013–2018 годы. Утвержден Президентом Российской Федерации 26.04.2013 г. № Пр-1069.

4. Система противодействия терроризму сложилась в России под эгидой НАК. РИА от 10.03.2016. URL: https://ria.ru/defense_safety/20160310/1387554200.html (дата обращения: 05.07.2016).

5. Стратегия противодействия экстремизму до 2025 года. Утверждена Президентом Российской Федерации 28.11.2014 г. № Пр-2753.

6. Указ Президента РФ от 14.06.2012 г. № 851 «О порядке установления уровней террористической опасности, предусматривающих принятие дополнительных мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства»

7. Указ Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

8. Федеральный закон от 28.12.2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53. Ст. 7597.

9. Хохлов Ю.П. Этот опасный Интернет. Генеральная прокуратура Российской Федерации реализует комплекс мер, направленных на обеспечение профилактики экстремизма и терроризма // Прокурор. 2015. № 3. С. 16.

Глава 6

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РЕЧЕВЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

§ 1. Речевые произведения экстремистского содержания в аспекте коммуникации

Экстремизм, межкультурные войны, связанные с интолерантностью общества, являются современной проблемой. Появляются группировки, пытающиеся привлечь как можно больше людей к своей идеологии посредством речевого воздействия. Речевые произведения, носящие экстремистский характер, становятся массово доступными и являются достаточно сильным орудием вербовки людей. Такая массовая доступность экстремистских текстов и их влияние на чаще всего неподготовленную аудиторию обусловила рост интереса к научному лингвистическому описанию общих признаков речевых произведений экстремистского содержания и их прагматики.

Экстремистская деятельность преследует, как правило, политические цели, реализуемые различными средствами и методами, в том числе используя агитационно-пропагандистские возможности влияния на массовую аудиторию.

Сложность понятия «экстремизм» и его специфика обусловили междисциплинарный характер данного явления, однако большинство исследований обращено к политико-правовым и социально-экономическим факторам, но и в коммуникативной среде коренятся причины экстремистских проявлений, следовательно, вербальный экстремизм можно выделить в особый вид экстремистской деятельности.

Основываясь на тезисе о том, что «экстремизм законодательно можно “зафиксировать” только тогда, когда крайние формы политического мышления переходят в “экстремизм действия”» [18, с. 11], можно выделить два вида вербального экстремизма: бытовой (мировоззренческий) и юридический (политико-организационный). Первый предполагает выражение радикальных убеждений, мнений, взглядов, сформированных личным

опытом и не попадает под правовое регулирование; второй – публичные действия, в том числе и речевые, вызванные радикальным мышлением. К примеру, высказывание «*Я ненавижу турок*» выражает внутреннее убеждение определенного человека, прагматика данного высказывания не претендует на необходимость разделения взглядов говорящего; лозунги «*Долой Кавказ из России!*», «*Очистим Россию от хачей!*», напротив, представляют собой публичные (поскольку это лозунги) речевые действия призыва к выселению лиц по национальному признаку, сопровождаемые оскорблением (слово *хач* – разговорно-пренебрежительное наименование лица кавказской национальности).

Публичность является одним из важных признаков политико-организационного экстремизма, поскольку экстремистские действия и материалы, согласно ст. 1 федерального закона РФ «О противодействии экстремистской деятельности», – это «предназначенные для обнародования документы либо информация» [8].

В лингвистической науке существуют противоречивые мнения о статусе понятия речевое произведение экстремистского содержания. Л.М. Голиков, описывая семиотику экстремистского текста, определяет его как «инвективный креолизованный текст, который организуется в единое пространство знаками-символами, преимущественно языковыми, обладает многоуровневой синтаксической структурой, пропозициональным содержанием, основанным на оппозиции “идеал” – “враг”, имеет коммуникативное намерение принудить адресата выполнить определенные действия и/или сформировать определенное внутреннее убеждение адресата» [6]. Ю.А. Антонова, Л.Е. Веснина, М.Б. Ворошилова и другие в монографии «Экстремистский текст и деструктивная личность» в большей степени останавливаются только на определении понятия «экстремизм» как приверженности к крайним взглядам, связанным с мировоззрением человека и ассоциирующимся с понятиями «терроризм», «национализм», «насилие» и др.; дают данному понятию скорее психологическое определение, нежели лингвистическое [18, с. 7–17]. К.И. Бринев, в свою очередь, придерживается мнения о том, что лингвистическое «описание речевого произведения не зависит от определений экстремизма в юриспруденции» [5].

Обобщая существующие определения понятий «экстремизм» и «экстремистская деятельность», речевую экстремистскую деятельность в устной или письменной форме можно определить как идеологически мотивированные высказывания, целью которых является пропаганда социального насилия и призыв к агрессивным действиям против государственной власти или какой-либо части общества. Продуктом такой речевой деятельности являются речевые произведения экстремистской направленности.

Основой для выявления фактов, свидетельствующих о наличии или отсутствии в содержании речевого произведения признаков вербальной экстремистской деятельности, является федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности», который выделяет 13 видов деяний, рассматриваемых как экстремистские. На основании этих признаков и с учетом комментариев, представленных в методических рекомендациях по выявлению признаков экстремизма [8], выделим речевые действия, носящие экстремистский характер:

1) призывы к революции, к восстанию, к неповиновению законно избранной власти;

2) призывы к незаконному, в том числе насильственному отделению от России ее отдельных регионов;

3) призывы к насильственным акциям с целью оказать давление на органы власти и общественное мнение для проведения решения в свою пользу;

4) призывы к убийству, избиению или выселению лиц определенной национальности или вероисповедания;

5) высказывания, направленные на возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

6) пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

7) систематические публичные высказывания, направленные на внедрение в общественное сознание идей и формирование установок, связанных с превосходством либо неполноценностью человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

8) призывы изменить объем гражданских прав и обязанностей лица или унижать национальное достоинство иной этнорелигиозной группы.

Наличие в юридической науке конкретных форм проявления экстремизма может дать основу для определения признаков речевых произведений экстремистской направленности, наиболее важным из которых является его публичность.

Методика выявления признаков экстремистского содержания в речевом произведении представляется системой общенаучных и лингвистических методов и приемов, направленных на изучение содержания, когнитивной направленности и прагматической установки текста.

Методологию научного исследования речевых произведений экстремистской направленности можно представить совокупностью трех групп методов: 1) всеобщим диалектическим методом; 2) общенаучными методами; 3) специальными методами частных наук.

Анализ речевого произведения предполагает поиск зависимостей, связей единиц анализа текста с психическими, социальными процессами, что создает разнообразие подходов и способов исследования, представленных в когнитивной лингвистике, прагмалингвистике, психолингвистике и др., которые в настоящий момент не приведены к единой системе и представлены в научной литературе разрозненно: методы лингвокогнитивного анализа [7, с. 56–66], методы коммуникативного анализа [13, с. 67].

По мнению О.В. Орловой необходимым компонентом лингвистического исследования признаков экстремистской направленности в речевых произведениях является коммуникативный, функционально-деятельностный подход, который рассматривает речевое произведение не только как лингвистическую данность, но и его коммуникативные характеристики: автор и читатель, коммуникативные тактики и стратегии, цель и перспективу текста, коммуникативную ситуацию [13, с. 67]. С точки зрения такого подхода речевое произведение становится продуктом не только речемыслительной деятельности говорящего, но и определенной линией его речевого поведения, нацеленного на конкретный результат, т.е., по мнению Е.В. Клюева, «коммуникативный акт имеет не только коммуникативную цель, но и коммуникативную

перспективу, рассматриваемую как возможность вызвать желаемые последствия в действительности» [13, с. 67].

Если рассматривать речевое произведение как результат речевой деятельности или акт вербализации мысли и реализации интенций говорящего, в котором актуализируются «различные аспекты концептуальной организации знаний» (Герасимов, Петров, 1988, с. 10) [Цит. по: 7], задействованные в процессах порождения и понимания мысли [7, с. 56–66], необходимым представляется использовать процедуру лингвокогнитивного анализа высказывания, сформулированную Т.А. Гридиной и В.С. Третьяковой. Данный лингвокогнитивный подход предполагает анализ высказывания на основе трех принципов:

- анализ языковой и речевой семантики единиц высказывания;
- анализ когнитивных структур (сценариев), обеспечивающих адекватную обработку информации, представляющей стереотипную (стандартную) ситуацию;
- анализ высказывания с позиций интерпретатора (соотнесение интенции отправителя сообщения и понимания этой интенции реципиентом) [7, с. 56–66].

Актуализируя в высказывании концептуальные знания, говорящий предполагает, что они будут совпадать с концептуальным знанием его слушателей.

Примером такого речевого произведения экстремистского содержания может быть лекция Саида Бурятского «Описание рая», размещенная для публичного просмотра в социальной сети «ВКонтакте», которая свидетельствует о том, что все мумины¹⁹ в раю; дается подробное описание того, кто попадает в рай; утверждается, что шахид²⁰ после смерти попадает в рай. Лекция читается Саидом Бурятским, участником террористических групп, исламским проповедником и одним из идеологов северокавказского вооруженного подполья. Учитывая тот факт, что в лекции

---

¹⁹ Мумины – верующие, которые приняли Ислам, уверовали во все его положения всей душой и последовали примеру пророка Мухаммада [6].

²⁰ Термин «шахид» в Исламе применяется как в отношении свидетеля на суде, так и в отношении верующих, принявших мученическую смерть на войне против врагов, сражаясь во имя Аллаха, защищая свою веру, родину, честь, семью [6].

присутствует большое количество исламистской терминологии, ее содержание адресовано представителям мусульманской конфессии. Когнитивные сценарии адресанта и адресатов лекции, обеспечивающие адекватную обработку информации, должны совпадать.

Таким образом, содержащееся в лекции высказывание «...нету ни одной души на земле, которая, когда умрет и предстанет перед Аллахом, захочет вернуться назад. Кроме души, которая погибла на пути Аллаха. Она захочет вернуться, чтобы потом еще раз погибнуть на пути Аллаха», на первый взгляд, религиозного содержания, выполняет, кроме информационной, функции убеждения и воздействия, уверяет слушающих в том, что в борьбе с врагами Аллаха душа не погибает, а значит не стоит бояться смерти на войне. Концептуальное значение высказывания «Погибнуть на пути Аллаха», выявленное из контекста речевых произведений представителей экстремистских и террористических группировок, – погибнуть в войне с неверными (не мусульманами).

Интенция лектора Саида Бурятского – убедить слушателей в том, что не нужно бояться смерти, особенно на войне с неверными, поскольку такая смерть «священна». В связи с когнитивными установками говорящего содержание данной лекции может быть признано как публичное оправдание терроризма, что является вторым признаком экстремистской деятельности, указанным в ч. 1 ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» [17].

Проблема выбора методов для выявления в речевых произведениях признаков экстремистского содержания выходит за рамки чистой лингвистической теории, касаясь повседневной жизни общества.

Цель произведений экстремистской направленности предполагает внеязыковой результат, который может быть представлен определенным психологическим эффектом (сформированным радикальным мировоззрением), агрессивными действиями против какой-либо нации, расы, социальной группы и/или их представителей, а также против государственной власти.

Исходя из этого речевые произведения экстремистской направленности, на наш взгляд, должны быть проанализированы с позиции прагматических установок адресанта.

При анализе целеполагания речевых произведений, носящих экстремистский характер, процесс исследования ориентирован на коммуникативную личность, идеологические установки которой необходимо учитывать, поскольку именно в них реализуется интенция говорящего:

- 1) дать информацию определенного идеологического характера;
- 2) формировать установки экстремистского характера;
- 3) побудить к совершению экстремистских действий.

Прагматика экстремистских речевых произведений обусловлена коммуникативными целями адресанта и может быть направлена на распространение идеологии, носителем которой он является: идей о создании «чистой нации», государства Халифат, распространении исламской (мусульманской) религии во всем мире. Идеологические установки социумов различны, следовательно, содержание речевых высказываний будет иметь различное наполнение, обусловленное их коммуникативной направленностью.

Как правило, речевые произведения экстремистского характера предстают в качестве важной референтной основы и руководства к действию – в частности, к совершению преступлений.

Жанровая классификация речевых произведений экстремистского содержания

Целенаправленность высказываний экстремистского характера и признаки экстремистской речевой деятельности дают возможность представить жанровую классификацию таких высказываний:

- 1) *призыв* – агитационно-пропагандистское высказывание социально-политического и религиозного характера;
- 2) *убеждение* – внедрение в общественное сознание идей и формирование установок асоциального, псевдорелигиозного характера;
- 3) *обещание* – высказывание, дающее надежду на лучшую жизнь в рамках нового государства, при выселении или уничтожении народов определенных национальностей и т.д.;
- 4) *угроза* – высказывание, вселяющее беспокойство, страх;
- 5) *просьба* – вежливое обращение, призывающее сделать что-либо;

б) *оскорбление* – негативная информация, унижительные характеристики кого-либо.

Данные речевые жанры носят информационный характер; не существуют в структуре речевых произведений изолированно: могут использоваться последовательно, вытекать один из другого (сначала сообщение о том, что лица кавказской национальности – враги, затем – призыв к их уничтожению) [12, с. 18–23].

В процессуально-юридическом аспекте наиболее важным речевым жанром экстремистских речевых произведений является призыв, поскольку воздействующая функция речевых произведений экстремистского характера заключается в имплицитном и эксплицитном побуждении адресата к определенному действию путем убеждения, обещания, угрозы и т.д. [18, с. 31].

В методике по выявлению экстремизма О.В. Зелениной и П.Е. Сулонова выделяются следующие призывы к экстремистской деятельности, попадающие под правовое регулирование как процесс целенаправленного воздействия государства на общественные отношения при помощи специальных юридических средств и методов, которые направлены на их стабилизацию и упорядочивание:

1) к революции, восстанию, неповиновению законно избранной власти;

2) к незаконному, в том числе насильственному, отделению от России ее отдельных регионов;

3) к насильственным акциям с целью оказать давление на органы власти и общественное мнение для проведения решения в свою пользу;

4) к убийству, избиению или выселению лиц определенной национальности или вероисповедания, организация, совершение или подстрекательство к таковым действиям;

5) к изменению объема гражданских прав и обязанностей лица или унижению национального достоинства иной этнорелигиозной группы [8].

Призывы обращены к адресату, некритически воспринимающему информацию, разделяющему идеологические установки говорящего, следовательно, речевой акт призыва может не иметь перлокутивного эффекта, если адресат не разделяет убеждений, мировоззренческих взглядов говорящего, а значит одним из важных

в структуре экстремистского речевого произведения является речевой жанр убеждения, как правило, сопровождающийся обещаниями, угрозами. Речевые произведения экстремистского содержания направлены на изменение фрагмента концептуальной картины мира адресата таким образом, чтобы он соответствовал фрагменту картины мира адресанта, побуждение адресанта к определенным действиям. Это условие и определяет последовательность речевых жанров в структуре речевых произведений экстремистской направленности, которые начинаются с информации, передающейся в форме утверждения, подкрепленной обещаниями или угрозой, и заканчиваются призывами к действиям.

Для идентификации признаков экстремистской направленности в речевых произведениях необходимо обращать внимание на социально-коммуникативные роли участников коммуникации, интенции говорящего, коммуникативные стратегии, речевые приемы, а также условия успешности речевых актов.

Религиозно-политические (исламистские) речевые произведения, как правило, начинаются с речевого жанра убеждения в необходимости поклонения исключительно Аллаху, сопровождающегося такими средствами речевого воздействия, как апелляция к авторитетному источнику, которым является Коран, внушение в сознание адресата идей о необходимости создания государства Халифат, о несостоятельности других религий, их враждебности по отношению к мусульманам, затем сменяются речевым жанром угрозы в гневе Аллаха по отношению к несправедливым мусульманам, убеждения в необходимости сражаться на пути Аллаха с неверными и заканчиваются призывами к джихаду как священной войне против неверных.

Националистические речевые произведения начинаются с убеждений о необходимости создания чистой нации, аргументированных патриотическими установками, заканчиваются призывами к избиению, выселению или убийству представителей кавказской национальности.

Видеоролик «Русский, очнись!», распространяемый одним из пользователей социальной сети «ВКонтакте», начинается с демонстрации листовок, текст которых направлен на угрозу жизни людей славянской нации (*бей славян, антифашисты, убивайте русских*), затем, начиная с кадра «Русский, очнись!», видео

выражает призывы, обращенные к русским, к борьбе за родину (*Вступай в ряды борцов с иноземными оккупантами; Умри за родину, а не из-за пьянства*), а также призывы к здоровому образу жизни (*занимайся спортом*). При этом видео сопровождается словами песни, призывающей русских «бороться за свой народ». Таким образом, видео имеет характер противопоставления: начинается с убеждения адресата в том, что некто угрожает славянской нации, а затем призывает к ответной реакции – мести и борьбе за свободу нации.

Наиболее популярным способом формирования нетерпимого отношения является «язык вражды», в основе которого лежит противопоставление понятий «свой–чужой», «друг–враг», «мы–они». Исследование «языка вражды» показало, что в нашем обществе отсутствуют традиции морального осуждения такого осуждения событий. «Язык вражды» воспринимается как норма политической и социальной жизни, хотя и не совсем приятная норма. Адресатом такого рода речевых произведений является потенциальный единомышленник (т.е. «друг», «свой»), некритически воспринимающий информацию [12].

Таким образом, любая авторская оценка описываемых явлений или ситуаций будет однозначно оцениваться аудиторией единомышленников как единственно возможное отношение.

Любое событие, связанное с межнациональными, конфессиональными или социальными отношениями, освещаемое средствами массовой информации или представленное в социальных сетях, интернет-сообществах, может использоваться радикально настроенными группировками для формирования нетерпимого отношения.

§ 2. Способы речевого воздействия в экстремистских речевых произведениях

Можно выделить ряд лингвистических признаков речевых произведений экстремистского содержания.

1) Наличие языковых средств, выражающих негативные, уничижительные характеристики в адрес какой-либо этнической, расовой, религиозной группы или ее представителей. К такого рода языковым средствам относятся слова или словосочетания,

имеющие отрицательную эмоциональную окраску: жаргонные языковые средства, формирующие негативные, оскорбительные характеристики в адрес представителей национальных и расовых групп: *хачи, жиды, нигеры* (хач, м. *Разг.-пренеб.*: лицо кавказской национальности. Происхождение: от армянского имени Хачик. Синонимы: чурка, грач, копченный, зверек [15]; жид, -а; м. *Разг.-сниж.* Презрительное название еврея. ◇ Вечный жид. *Книжн.* Вечный скиталец, бесприютный странник. Бродит по свету, словно вечный ж.); религиозных групп, не принадлежащих к Исламу: *кяфиры* (кяфiры (араб. الكافرون, аль-кяфирун – неверующий, иноверец) – понятие в исламе для обозначения неверящих в Аллаха (Единого Бога) и посланническую миссию пророка Мухаммада [2]), *неверные*; зоосемантические метафоры: например, в высказывании «*Эти проклятые свиньи и обезьяны будут прятаться под своих женицин, за эти деревья, которые в Кадисе сказаны, за ними прятаться будут эти евреи*» слова «свиньи» и «обезьяны» используются в переносном значении, которое в контексте приобретает экспрессивную пренебрежительно-бранную оценочность (свинья. 2. *перен.* Грязный, неопрятный человек, неряха (разг. презрит.). 3. *перен.* О человеке, незаслуженно сделавшем неприятность кому-н., грубом, неблагодарном (разг. бран.) [16]; обезьяна. 2. *перен.* Человек, склонный к подражанию другим или передразниванию других (разг. презрит.). || Тот, кто гримасничает, кривляется (разг. фам. шутол.). 3. Очень некрасивый человек (разг. фам.). 4. Употр., как бранное слово (разг. фам.) [16]). Негативная информация об адресате, которая содержится в зоометафорах *свинья, обезьяна* носит оскорбительный характер, так как направлена на унижение чести и достоинства американцев и евреев.

2) Наличие языковых средств, выражающих отрицательные эмоциональные оценки и формирующих негативные установки в адрес какой-либо этнической, расовой, религиозной группы или ее представителей. К таким средствам можно отнести лексику, имеющую отрицательную оценочность: *проклятый, подлый, хапуги, противозаконный* и др.; в исламистской литературе для выражения отрицательной оценки иноверцев (не мусульман) и неверующих характеризуют как *неверных, притеснителей*, используется лексема *враг*.

3) Наличие лингвистических средств, имплицитно или эксплицитно побуждающих к каким-либо действиям против определенной нации, расы, религии, например: *Пусть же сражаются на пути Аллаха те, кто покупают за ближайшую жизнь Грядущую; Поистине Аллаха купил у верующих их души и их достояние за то, что им – рай! Они сражаются на пути Аллаха, убивают и бывают убиты* (брошюра «Дусийа»); *бей хачей!* (лозунг листовки). В данном высказывании призыв выражается грамматическими средствами: формой *пусть* + глагол 3 лица множественного числа *сражаются*. Лозунг «Укропию – мочить!» (социальная сеть «ВКонтакте») содержит насмешливую характеристику Украины и подразумевает призыв к уничтожению Украины, предположительно к уничтожению жителей или государственной власти Украины.

В религиозно-политических речевых произведениях пропагандируется исламистская идеология и практическая деятельность, ориентированные, по определению А. Игнатенко, на создание условий, в которых социальные, экономические, этнические и иные проблемы и противоречия любого общества, где наличествуют мусульмане, будут решаться исключительно с использованием исламских норм, прописанных в шариате [9].

Центром мусульманского мировоззрения является понятие *джихад*, которое «в Коране понимается неоднозначно, отражая определенные условия деятельности Мухаммада». Позднее факихами были разработаны уточняющие концепции, где проводились различия между «джихадом сердца» (борьба с собственными дурными наклонностями), «джихадом языка» (повеление одобряемого и запрещение порицаемого), «джихадом руки» (принятие дисциплинарных мер в отношении преступников и нарушителей норм нравственности) и «джихадом меча» (вооруженная борьба с неверными, падшему в которой уготовано вечное блаженство в раю) [14].

В идеологии радикального исламизма понятие «джихад» закрепилось как высшее проявление Ислама, верный путь к раю и бессмертию души, возмездие и наказание неверных и мусульманских отступников; средство, которое поможет вернуть могущество Ислама и сделать его мировой религией. Как правило, лексема

«джихад» сочетается с милитаризированной лексикой: «армия», «сражаться», «враг», «фронт» и др. [14]

Для формирования радикального мировоззрения потенциальных адресатов в речевых произведениях экстремистской направленности, представленных в различных интернет-ресурсах, используются различные средства речевого воздействия, которые репрезентируют когнитивные установки адресанта.

Язык вражды может подкрепляться таким способом речевого воздействия, как апелляция:

1) к общественному мнению (ср.: *«34% из нас согласны с тем, что “во многих бедах России виноваты люди нерусских национальностей” <...> 54% поддерживают лозунг “Россия для русских”»* – ссылка на письма читателей, на данные опроса общественного мнения, противопоставление русские – нерусские национальности). Такая информация будет восприниматься некритически, поскольку в ней нет лексических маркеров личного мнения, оценки; более того, приводятся статистические данные, которые формируют в сознании читателя убеждения о том, что во всех несчастьях русских людей виноваты нерусские;

2) к авторитетному источнику. В религиозно-политических речевых произведениях, размещенных в интернет-сетях, могут содержаться высказывания-призывы с отсылкой на слова Аллаха, который утверждает негативное отношение к иудеям и христианам: *Аллах Всевышний сказал: «О те, которые уверовали! Не считайте иудеев и христиан своими помощниками и друзьями, поскольку они помогают друг другу...»*. Джихад характеризуется как единственно правильная борьба на пути Аллаха, утверждается, что Исламское государство поддерживает джихад и предоставляет оружие моджахедам.

Еще одним способом речевого воздействия при освещении межнациональных отношений является «замалчивание», примером которого может стать высказывание из репортажа одного регионального телевидения (данный репортаж был размещен в социальной сети «ВКонтакте»): *«В городах Нижнекамск и Чистополь сидят в тюрьмах десятки мусульман, арестованные в ноябре 2013 года. Их жестоко пытаются током, удушьем, побоями. У некоторых из них сломан позвоночник, ребра и обе ноги»*. При этом не сообщается информация, по какой причине мусульмане

находятся в тюрьмах, что в тюрьмах находятся не только мусульмане; автор разделяет людей на «своих» (мусульман), страдающих от несправедливого обвинения, и «чужих» (в лице правоохранительных органов), которые несправедливо, жестоко ведут себя по отношению к мусульманам – создается образ «врага».

Утверждение исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии является экстремизмом в случае, если является публичным, включает требование изменить объем гражданских прав и обязанностей лица или унижает национальное достоинство иной этнорелигиозной группы [8]. Экстремистскую направленность такого рода высказываний сложно определить – необходимо отличать идентификацию по национальному признаку.

Сравним: высказывание о том, что «только мусульмане имеют истинную Веру» или лозунг «Русские, помогайте русским!» не могут расцениваться как экстремистские, а высказывания о том, что «власть во всем мире должна принадлежать мусульманам» или «христианство – вера алкоголиков и проституткок», представленные в видеороликах, распространяемых в социальной сети «ВКонтакте», могут быть расценены как экстремистские, унижающие национальное достоинство.

Высказывание «Если белый человек хочет стать черным – надо вырезать весь его род. Стать черным – проклятие» содержит утверждение о превосходстве белой расы и необходимости уничтожения представителей других расовых, национальных и религиозных групп, следовательно, расценивается как экстремистское.

Лозунги «Россия для русских!», «Белая раса красивая – берегите ее!» могут иметь экстремистскую прагматику, если они включены в националистический контекст.

Для того чтобы медиатекст, освещающий какие-либо события, не попадал под правовое регулирование, большинство российских кодексов профессиональной этики содержат указания типа – журналисту нельзя «связывать этническую принадлежность кандидата с его политическими и моральными качествами» [Памятка журналиста телекомпании НТВ // Профессиональная этика журналиста / Документы и справочные материалы. М., 2002. С. 243; Цит. по: 11].

Речевой экстремизм ориентирован на психологическое влияние средствами языка, формирует экстремистские идеологические установки, провоцирует на противоправную деятельность. Медиатекст, являясь продуктом функционирования массово-информационного дискурса, формирует определенный образ событий или явлений, поскольку взаимодействие адресата и адресанта обусловлено направленностью на воздействие и убеждение. Для данной цели журналисты, как правило, используют два способа описания событий: тонированное (т.е. специфическим образом окрашенное) описание и прямую авторскую оценку.

Таким образом, для того чтобы речевые произведения были признаны экстремистскими, они должны удовлетворять двум критериям: функциональному и содержательному.

Функциональный критерий означает, что информационные материалы должны быть предназначены для обнародования, т.е. для публичного распространения.

Содержательный критерий означает, что содержание речевого произведения направлено на формирование одобрительного отношения к экстремистской деятельности. Закон различает три способа выражения положительного отношения:

- *призывы* к экстремистской деятельности;
- *обоснование необходимости* экстремистской деятельности;
- *оправдание необходимости* экстремистской деятельности.

Призыв к деятельности выражается в грамматических модальных конструкциях побуждения с использованием глаголов в повелительном наклонении («бей», «жги», «убивайте», «взрывайте»).

Обоснование необходимости деятельности выражается в грамматических конструкциях побуждения с использованием глаголов в сослагательном наклонении либо сочетанием модальных слов и глаголов («было бы желательно», «хотелось бы», «необходимо», «нужно», «требуется»). Понятийно-семантическим признаком обоснования необходимости деятельности является выражение автором положительного, одобрительного отношения к этой деятельности.

Оправдание необходимости экстремистской деятельности содержит положительную оценку уже совершенных действий, признание их правильными через указание на наличие существенных

причин для их совершения и правильность избранного действия и, таким образом, не напрямую, а лишь косвенно может побуждать к аналогичным действиям в будущем.

По своим лингвистическим признакам обоснование и оправдание необходимости совершения экстремистских действий всегда является выражением мнения, а потому требуется специальный анализ содержания соответствующих информационных материалов, подтверждающий необходимость вмешательства государства и ограничения свободы распространения идей и мнений.

К таким лингвистическим признакам относятся:

1) наличие в речевых произведениях призывов к действиям, зафиксированным в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» как экстремистские;

2) наличие в речевых произведениях признаков возбуждения розни (вражды, ненависти) по отношению к какой-либо национальной, расовой, социальной группе и/или к лицам, представляющим эти группы;

3) наличие в речевых произведениях признаков пропаганды исключительности, превосходства, неполноценности одной социальной, национальной группы над другими;

4) наличие в речевых произведениях языковых средств, выражающих оскорбление, унижение группы лиц или их представителей;

5) наличие в речевых произведениях лингвистических признаков угрозы, применения насилия, сопровождающей призывы к противоправной деятельности;

6) наличие в речевых произведениях признаков оправдания противоправных действий.

Твердая мировоззренческая позиция, знание законов Российской Федерации и языковая грамотность помогут противостоять влиянию экстремистских идеологических установок в речевых произведениях, распространяемых пользователями сети Интернет.

Литература

1. People.su. URL: <http://www.people.su/97148>.
2. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецова. 1-е изд. СПб., 1998. URL: www.gramota.ru (дата обращения: 21.04.2015).

3. Бринев К.И. Судебная лингвистическая экспертиза спорных речевых произведений, содержащих признаки экстремизма // Известия Волгоград. гос. пед. ун-та. Сер.: Филол. науки. 2009. № 7 (41). С. 35–39.
4. Бринев К.И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза: Монография / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2009.
5. Бринев К.И. Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М., 2013.
6. Голиков Л.М. Семиотика экстремистского текста // Юрислингвистика: судебная лингвистическая экспертиза, лингвоконфликтология, юридико-лингвистическая герменевтика (конференция 2012 г.). URL: http://konference.siberia-expert.com/publ/konferencija_2012/doklad_s_obsuzhdeniem_na_sajte/golikov_l_m_semiotika_ehkstremitiskogo_teksta/5-1-0-137 (дата обращения: 15.10.2014).
7. Гридина Т.А., Третьякова В.С. Принципы лингвокогнитивного анализа конфликтного высказывания // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2002.
8. Зеленина О.В., Суслонов П.Е. Методика выявления признаков экстремизма. Процессуальные исследования (экспертизы) аудио-, видео- и печатных материалов: научно-практическое пособие. Екатеринбург, 2009.
9. Игнатенко А.А. Ислам и политика. Сб. статей. М., 2004. С. 40.
10. Ислам. Академический словарь/ Академик. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/islam/549/> (дата обращения: 19.11.2016).
11. Коростелева Л.В. Основные признаки речевого экстремизма (о способах освещения вопросов межнациональных и межконфессиональных отношений в СМИ) // Нижневартковский филологический вестник. № 1(16) / Гл. ред. О.М. Култышева. Нижневартовск, 2016. С. 36–39.
12. Коростелева Л.В. Экстремистский дискурс: признаки, иллокуция, прагматика // Юрислингвистика. Научно-практический журнал. № 4 (15). Кемерово, 2015. С. 18–23.
13. Орлова О.В. К вопросу о роли коммуникативного подхода в лингвистической экспертизе // Юрислингвистика-3: Проблемы юрислингвистической экспертизы: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул, 2002.
14. Петухов В.Б. Джихад в контексте информационного вызова исламистских террористов. URL: <http://www.islamrf.ru/news/umma/islam-world/2511>. (дата обращения: 17.04.2015).
15. Словарь молодежного сленга. URL: <http://teenslang.su/content/%F5%E0%F7> (дата обращения: 24.10.2016).

16. Толковый словарь русского языка: В 4 т. М., 1935. URL: <http://feb-web.ru/feb/feb/dict.htm>. (дата обращения: 05.10.2016).

17. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» (в ред. Федеральных законов от 27.07.2006 г. № 148-ФЗ, от 27.07.2006 г. № 153-ФЗ, от 10.05.2007 г. № 71-ФЗ, от 24.07.2007 г. № 211-ФЗ, от 29.04.2008 г. № 54-ФЗ).

18. Экстремистский текст и деструктивная личность: Монография / Ю.А. Антонова, Л.Е. Веснина, М.Б. Ворошилова, К.В. Злоказов, Ю.Р. Тагильцева, А.А. Карапетян. Екатеринбург, 2014. 276 с.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Распространение идеологии экстремизма и терроризма в современном информационном обществе представляет собой крайне серьезную и многоаспектную проблему. Попытка анонимно работать на массовую аудиторию с неизбежностью приводит к поиску все новых путей агитации и способов манипулирования человеческим сознанием. Для такой аудитории в сети Интернет экстремистами предлагается сознательно интеллектуально упрощенный, универсальный продукт идеологической пропаганды, способный охватить представителей самых разных слоев населения.

Чаще всего идеологии экстремизма и терроризма оказываются подвержены испытывающие чувство отчужденности и утратившие смысложизненные ориентации люди, которые по каким-либо причинам не находят своего места в социуме. В такой ситуации экстремистские организации предоставляют самый быстрый и простой путь обретения собственного «Я», предельно упрощая и извращая проблему осмысленности существования, упорядочения социального окружения.

Причины возникновения такой ситуации самые разнообразные. Они носят как субъективный, так и объективный характер, поскольку экстремистские интенции часто провоцируются окружающей социально-политической, экономической и культурной средой. В решении проблемы противодействия разрушительной идеологии экстремизма и терроризма необходимо сосредоточение всех сил и методов, которые дают философские, психологические, политические, юридические, филологические и другие науки. Однако следует подчеркнуть, что противодействие распространению экстремистской и террористической идеологии – это дело не только отдельных специалистов, но и всего общества в целом.

Научное издание

**ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИДЕЯМ ЭКСТРЕМИЗМА
И ТЕРРОРИЗМА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ:
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АНАЛИЗ**

Коллективная монография

Литературный редактор *Н. В. Титова*
Технический редактор *Н. В. Титова*

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 19.06.2017
Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов
Гарнитура академическая. Усл. печ. листов 8,6
Тираж 300 экз. Заказ 1828

*Отпечатано в Издательстве
Нижевартовского государственного университета
628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Дзержинского, 11
Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru*